

Елизавета Дворецкая

СВЕНЕЛЬД. ОРУЖИЕ ВЁЛЬВЫ

Княгиня Ольга

Елизавета Дворецкая
Свенельд. Оружие Вёльвы

«Автор»

2023

Дворецкая Е. А.

Свенельд. Оружие Вёльвы / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
2023 — (Княгиня Ольга)

Четыре лета назад Ульвар не вернулся из торговой поездки и пропал. Его молодой жене, Снефрид, досаждают люди, которым Ульвар остался должен деньги, а еще – опасные хозяева оставленного им загадочного запертого ларца. Одолеваемая бедами со всех сторон, Снефрид решается на неслыханное дело – отправиться за море, в Гарды, разыскивать мужа. И чтобы это путешествие стало возможным, она соглашается на то, от чего давно уклонялась – принять жезл вёльвы от своей тетки, колдуньи Хравнхильд, а с ним и обязанности, опасные сами по себе. Под именем своей тетки она пускается в путь, и ее единственный защитник не знает, что под шаманской маской опытной колдуньи скрывается ее молодая наследница... (С другими книгами цикла «Свенельд» роман связан темой похода на Хазарское море, в котором участвовали некоторые персонажи.)

© Дворецкая Е. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	40
Глава 5	53
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Елизавета Дворецкая

Свенельд. Оружие Вёльвы

Часть первая

Глава 1

Восточное побережье Свеаланда, осень 914 года

Снефрид зажгла три глиняных светильника на крышке большого ларя – по одному для каждой из трех норн. Между ними положила веретено – для самой госпожи Фригг. Веретено – из верхушки молодой ели, длиной чуть менее локтя – принадлежало еще Виглинд, матери Снефрид. Пряслень, сидевший ближе к острому концу, был еще старше и достался Виглинд от ее матери – он был выточен из куска густо-рыжего янтаря, из слезы Фрейи, упавшей в море.

– Фридлейв хочет получить ответ, – сказал Снефрид отец. – Ты что-то решила?

Что время пришло, Снефрид поняла, когда увидела, как они въезжают во двор – отец и Оттар, один из хускарлов Фридлейва.

– Хёвдинг послал меня узнать, может, ты уже что-то надумала? – поздоровавшись с хозяйкой, объявил Оттар: мужчина средних лет, среднего роста, довольно коренастый. Черты простого лица с крупноватым носом, рыжеватыми бровями и такой же бородкой красотой не блистали, но добрый взгляд небольших серых глаз придавал ему неяркое обаяние. – Не то чтобы хёвдинг тебя торопил, но у тебя было на раздумье больше трех месяцев.

– Конечно, великодушие Фридлейва всем известно. Сейчас я дам ответ, – пообещала Снефрид. – Выпьете пока пива?

– О нет! – Посланец закатил глаза. – Только не это. Пиво уже льется у меня из ушей. Может, есть сыворотка?

– Как ты необычен в твоих желаниях! – сказала Снефрид, и все трое засмеялись.

Асбранд Эриль ездил к хёвдингу на пир Зимнего Полнолуния – уж конечно, недостатка в пиве там не ощущалось. Фридлейв – богатейший человек в округе, и уж если он устраивает жертвенные пиры, сто человек не смогут протрезветь ни разу за три дня.

Снефрид налила им сыворотки и ушла в спальный чулан; его занимали родители, пока мать была жива. Ей требовались тишина и уединение. Она поднесла сухую веточку чабреца к огоньку светильника и зашептала, глядя, как она обгорает, порождая мелкие струйки дыма:

Правду мне поведай, норна,
Что спрошу я, отвечай.
Пламя волн¹ взамен дарю я,
Лед ладони принимай.
Сына конунга получишь,
Что отважней в мире нет,
Земли все его в придачу,
Если верный дашь ответ.
Приоткрой мне правду, Дева,
И ни словом не солги,
Иль в огонь тебя я брошу,

¹ Пламя волн – золото, лед ладони – серебро. (Здесь и далее примечания автора.)

В жарком пламени гори!²

Этому заклинанию ее научила мать – а ту ее мать, старая Лауга. Повторяя его, Снефрид видела все это перед собой как наяву: стройную деву в синих одеждах, стоящую на воздухе прямо над чашей Источника Мимира, серебро и золото целыми грудами и даже прекрасного сына конунга. Прекрасный сын конунга присутствует в воображении всякой девочки; пусть ей всего восемь или девять лет, он уже седлает коня или поднимает парус, чтобы ехать за нею – дорога-то не близкая. Суля награды норне, Снефрид чувствовала себя богатой, как сама Фригг: мол, у нее столько этих конунговых сыновей, один лучше другого, что она может щедро раздавать их. А с прорицающими духами, как учила мать, нужно обращаться строго, даже можно припугнуть, иначе они не станут слушаться.

– Подай мне знак, как поступить, – добавила Снефрид, – что продать ради этого долга: хутор или ларец? Пусть правый светильник будет хутором, а левый – ларцом.

Она взяла веретено за середину, примерилась и крутанула. Мать научила Снефрид гадать с веретеном, еще когда той было лет семь или восемь. Ничего хитрого, ребенок справится. Сейчас Снефрид было двадцать три года, и никто, кроме богинь, не мог дать ей верного совета. Хутор Южный Склон, где она жила, принадлежал ее мужу, и было примерно понятно, сколько за него дадут; загадочный ларец принадлежал неизвестно кому, его содержимое было неизвестно, и Снефрид не могла даже представить, сколько за него следует запросить.

Более толстый, верхний конец веретена при вращении почти не двинулся с места, более тонкий конец с прясленом описал широкий круг, качнулся назад, снова вперед и наконец замер.

Некоторое время Снефрид смотрела на тонкий конец, пытаясь понять, нравится ей ответ или нет. Этот выход обещал больше хлопот, чем другой, но зато, пожалуй, был честнее.

Она вышла в теплый покой, где у очага сидели отец и Оттар, неспешно толкуя о приемах, как обеспечить хозяйство козым молоком на зиму.

– Я решила! – объявила Снефрид, когда двое мужчин повернули головы к ней. – Оттар, передай Фридлейву, что я продаю хутор моего мужа. Пусть Фридлейв приедет, чтобы оценить его, или пришлет своих людей.

– Я могу это сделать сам, – кивнул Оттар. – Фридлейв поручил мне осмотреть хутор, если вы решитесь на продажу. Он был уверен, что так и случится.

– Нетрудно было догадаться, – Снефрид улыбнулась, будто речь шла о безделице. – У нас ведь нет больше ничего ценного, что потянуло бы на сотню серебра.

* * *

Снефрид решила, что пора выходить замуж, когда ей исполнилось шестнадцать. Ульвару, ее жениху, было на пять лет больше, и тем летом Гуннар впервые отправил его одного на Готланд на корабле конунговых людей и с грузом плавленного железа. Ульвар с делом справился хорошо, и, когда Гуннар явился к своему приятелю, Асбранду Эрилю, отметить это событие, то намекнул:

– Может, Асбранд, уже и пришло время, – и подмигнул на Снефрид, которая стояла возле стола, приглядывая, не подать ли еще чего. – Пусть парень чувствует себя полным хозяином.

– Что думаешь, Снеф? – Асбранд повернулся к дочери.

Он с детства называл ее смешным именем Снеф, вместо Фридо, как обычно делают.

– Почему бы и нет? – Снефрид улыбнулась и двинула плечом. – Кажется, этот парень уже может прокормить семью!

² Стихотворный текст заклинания – мой собственный, за основу взят перевод заговора из книги «Рунические заговоры и апокрифические молитвы» Л.Кораблева.

Ульвар ухмыльнулся, и видно было, что он не возражает.

О том, что этим двоим неплохо бы справить свадьбу, Асбранд и Гуннар полушутя договорились лет пять или шесть назад. Пятнадцатилетние парни не обращают внимания на десятилетних девчонок, но Ульвар однажды, приехав с каким-то поручением от отца к Асбранду, не застал его дома, решил подождать и от скуки предложил Снефриду сыграть в кости. Больше играть было не с кем, даже работники на хуторе все разошлись по делам, а Снефрид как раз закончила делать козий сыр и отдыхала. В ту пору она, чтобы дотянуться до котлов над очагом, подставляла скамеечку. Жена Асбранда умерла год назад, и хозяйкой усадьбы числилась Снефрид.

В ответ на это предложение она окинула Ульвара надменным взглядом:

– Только мне и дела, что играть со всякими бездельниками!

– Да уж я вижу – вся усадьба на твоих плечах! – хмыкнул Ульвар, меряя глазами белобрысую хозяйку, у которой старый материнский передник был подвязан под самые подмышки.

– У кого довольно удачи, тому не мешает недостаток роста.

– Удачи? Считаешь, у тебя ее много?

– Я обыграю тебя.

– Да ну! – Ульвар любил бросать кости и привык считать себя любимцем норн. – Ну, и что ты можешь поставить? Лепешку разве?

– Вот что... – Снефрид ненадолго задумалась. – Если я проиграю, то пришью тебе заплатку на локоть.

Ульвар схватился за локоть – так и есть, дыра! Вчера же не было, когда успела появиться?

– А если я выиграю, то ты... провезешь меня на спине до Асбрандова камня и обратно.

– Идет! – согласился Ульвар, желая получить заплатку.

Какая из этой козявки швея – норны знают, но все лучше, чем опять просить мачеху или кого-то из скотниц.

Присев на теплую траву у ограды, где лежали три сонные овцы, они стали бросать кости на выступающий из земли гладкий плоский камень. Первым же броском Снефрид обставила Ульвара на четыре очка – ей выпало две шестерки.

– Тебя подкинули альвы! – возмутился он, не веря, что какой-то девчонке может так везти. – Так не честно!

– Альвы меня не подкинули. У всех потомков Асбранда Снежного серебряные глаза и большая удача. Тебе следовало бы об этом знать, прежде чем играть со мной.

Пришлось Ульвару поработать лошадью. Это зрелище застал вернувшийся Асбранд; он рассказал Гуннару, и они, смеясь, решили: вот валькирия растет, в десять лет уже оседлала парня! Так легко Ульвару эту ношу теперь с плеч не скинуть...

Годы шли, и постепенно Ульвар начал волноваться, как бы Снефрид не вздумала присмотреть себе другого «скакуна». Лет в тринадцать она была уже ростом со взрослую, скамеечка, чтобы дотянуться до котлов над очагом, ей больше не требовалась. В ее серебристо-серых, с легким отливом фиалки, глазах уже мерцало это чуть насмешливое, уверенное выражение, прославившее ее впоследствии, – будто она весь мир видит насквозь и находит в нем немало забавного. К шестнадцати годам она еще чуть подросла и развилась: не слишком тонкая талия и ровные бедра делали очертания фигуры скорее крепкими, чем хрупкими, грудь была невелика, но выглядела Снефрид столь пленительно, что Ульвар опасался, как бы ее не увели, если только пройдет слух, что дочь Асбранда Эриля уже годится в жены. В ее белом лице с правильными, жесткими чертами так упоительно смешались юная красота и уверенность зрелого ума, что Ульвар, хоть и был старше, рано привык признавать ее превосходство над собой. Блестящие светлые волосы, светлые брови, более широкие на внутреннем конце, яркие губы и уверенный, значительный вид придавали ей облик существа, спустившегося из Альвхейма. Во всей «корабельной сотне» ни одна девушка не могла с нею тягаться красотой, умом и способностями.

Снефрид тоже не видела смысла тянуть со свадьбой. «Сильнее повзрослеть я уже не могу, – объясняла она отцу, – остается только постареть. А какой смысл стареть незамужней?»

Гуннар все сильнее хворал, Ульвару приходилось ездить по торговым делам одному. Пользуясь давними отцовскими связями, зимой он скупал по усадьбам и хуторам плавленное железо и шкуры, летом забирал соленую рыбу и сбывал ее в Дорестад, где ее охотно брали христиане. Мачеха его к тому времени умерла, а Гуннар считал себя уже слишком старым, чтобы жениться в третий раз. После свадьбы Снефрид переселилась на хутор Южный Склон, где и прожила вполне благополучно около пяти лет. По многу месяцев зимой и летом Ульвара не бывало дома, но Снефрид управлялась со скотом, хозяйством и челядью одна, благо и отец жил всего в половине роздыха и всегда мог ей помочь советом и делом.

Близилась седьмая зима ее замужней жизни, когда Ульвар не вернулся вовремя. Он всегда возвращался задолго до осенних пиров, но вот уже приблизилось полнолуние, называемое Зимним, а его все не было. Этим летом он должен был идти сперва на Готланд, а оттуда в Хедебю с грузом пушнины, но вовсе не говорил, что останется там на зиму, да и зачем? Лето закончилось, море штормило, корабли давно лежали на берегу, и Снефрид перестала ждать. Асбранд, человек сведущий, пробовал гадать: руны говорили, что Ульвар жив, но скорой встречи не обещали.

Только следующим летом, когда корабли стали прибывать в Бьёрко, Снефрид кое-что узнала. К ней в Южный Склон приехал человек из Лебяжьего Камня, с поручением от Фридлейва хёвдинга, а Фридлейву привезли новости его люди из Бьёрко. Вести пришли дурные. Прошлым летом сразу несколько кораблей, на которых везли товары люди Бьёрна конунга, были ограблены Эйриком Берсерком, «морским конунгом» с большой дружиной. Этот Эйрик приходился Бьёрну, конунгу Свеаланда, родным внуком, но дед отказывался его признавать, и он в отместку вредил ему, где только мог. Среди этих кораблей был и тот, на котором Ульвар вез на запад закупленную на Готланде пушнину, свою и еще двоих фелагов³ – Фроди Лосося и Кальва Овчара. Самого Ульвара люди уже после того видели на Готланде – он каким-то чудом спасся, хотя всех прочих людей Эйрик взял в плен и обратил в рабство.

– Какое счастье для Ульвара, что он уцелел! – говорил Фридлейв. – Норны особенно о нем позаботились. Это ты, Снефрид, окружила его такими могучими чарами?

– Ты шутишь, Фридлейв хёвдинг! – отмахивалась Снефрид. – Я вовсе не умею творить никаких чар.

– Я думал, тетка тебя подучила... ну-ну, я шучу. Однако жать, если так. Ульвар очень рассчитывал на прибыль с этой пушнины, даже взял у меня восемьдесят эйриров серебра...

– Да, я знаю, – ровным голосом отвечала Снефрид. – Я подумаю, как вернуть этот долг. Ведь если Ульвар жив и на свободе, доброе имя еще понадобится ему.

– Ты редкая женщина, Снефрид! Другие жены сейчас только проклинали бы судьбу, викингов и мужа, а ты заботаешься о его добром имени!

– Я предпочитаю брать пример с тех жен, что делали честь себе и мужьям, а не наоборот.

– Такая женщина заслуживает более толкового мужа, чем Ульвар, – пробормотал Фридлейв, глядя, как Снефрид удаляется.

На губах ее играла легкая улыбка, будто она благодарна за полученные вести, но душой овладевала растерянность. Снефрид было только двадцать три года, и вот она попала в такое странное положение: муж ее жив, но неизвестно, где находится и когда вернется. Имущество пропало, и еще остался весьма значительный долг. Восемидесяти эйриров серебра у нее не было, и отец мог дать только четверть этой суммы. Фридлейв не торопил ее, оставив время на раздумье, но Снефрид и сама понимала: ради чести Ульвара долг нужно вернуть. Без этого Ульвару не будет удачи, и он никогда не сможет восполнить утраченное... Да и как?

³ Фелаги – компаньоны по торговому предприятию, могли совместно владеть кораблем, товаром и так далее.

В начале зимы Фридлейв купил хутор Южный Склон за две сотни серебра. Из этой суммы Снефрид вернула ему восемьдесят эйриров, и сотня с лишним у нее осталась. С этим она вернулась к отцу, в Оленьи Поляны, где и прожила еще год. Об Ульваре за это время не пришло никаких вестей.

* * *

Дом на хуторе Оленьи Поляны был построен по-старинному. Главную его часть составлял теплый покой – помещение с длинным очагом и спальными помостами вдоль стен. Здесь же, внутри, был дощатыми стенками отгорожен спальный чулан, предназначенный для хозяйской четы, а на помостах спали работники и прочие домочадцы. Одна часть теплого покоя тоже была выгорожена для кладовой, а с другой стороны был пристроен женский покой – почти такой же, тоже с очагом, но меньшего размера. Там спали служанки, незамужние женщины, там же стоял ткацкий стан, прялки и все приспособления для домашних женских работ. К задней стороне теплого покоя были пристроены еще два узких помещения, не соприкасавшихся между собой: холодная клеть-кладовка и, в самом дальнем углу, отхожее место. Таким образом, дом не был цельным строением: к его главному «телу» в разных местах примыкало сразу три неодинаковых по величине «отростка», а изнутри он напоминал нору с тремя отнорками, выведенными в разные стороны.

Для семьи из двух человек, не считая служанки и двоих работников, дом был великоват, но таким он достался Асбранду Эрилю от предков. Самым знаменитым из них был тоже Асбранд, по прозвищу Снежный. Прославился он тем, что однажды холодной зимней ночью дал приют страшной на вид старухе, которая оказалась заколдованной дочерью конунга светлых альвов. Асбранд снял с нее чары, согласившись допустить ее к себе в постель, о чем ничуть не пожалел, когда чары с нее спали и стала видна ее красота. Наутро она исчезла, но через год вернулась и передала Асбранду новорожденного мальчика, их общего сына. У всех потомков того мальчика глаза были удивительного цвета – светло-серые, серебристые, с легким отливом лепестка фиалки.

Снефрид была в женском покое – вдвоем с Мьёлль они чесали шерсть, – когда услышала, как отец зовет ее встретить гостя: приехал Фроди Лосось. Фроди и его приятель, Кальв Овчар, были фелагами Ульвара, ведшими дела еще с его отцом. Та пушнина, которая пропала при грабеже, принадлежала всем троим в равных долях; после прихода дурных вестей Фроди и Кальв подали на Ульвара жалобу на тинге Уппсалы, требуя, чтобы он возместил их часть стоимости пропавшего товара. Асбранд взялся вести на тинге это дело вместо отсутствующего зятя, и ему удалось убедить Бьёрна конунга, что если люди пострадали от одной и той же причины, то один не обязан возмещать убытки других. В этом его поддержал Фридлейв хёвдинг, и к нему конунг прислушался. Конечно, Фридлейв ввязался в дело не из одной любви к справедливости: он смекал, что если Снефрид вынудят выплатить убытки Фроди и Кальву, то он сам свой долг назад не получит. Но его притязания, как говорила Снефрид отцу, были справедливы: он лишь дал денег в долг, но не брал на себя риски. Фридлейв получил свои восемьдесят эйриров назад, а сколько у Снефрид осталось после продажи хутора, они договорились никому не открывать.

Каждый раз при виде Фроди Снефрид приходило в голову: ему бы больше подошло прозвище Кит. При высоком росте он был весьма грузен, и его туловище с небольшой продолговатой головой весьма напоминало китовую тушу. Мало какого гостя Снефрид была бы рада видеть меньше. Однако, услышав из женского покоя, что отец ее зовет, она быстро вымыла руки, сняла передник, надела зеленый хангерок поверх старого крашеного платья, когда-то красного, а теперь выцветшего до бледно-розового, в котором занималась домашними делами. Изношенные до дыр боковые вставки у него уже были заменены на новые, из некрашеной шер-

сти, но хангерок удачно это прикрывал, так что в теплый покой она вышла, одетая как полагается для посторонних, с голубым шелковым чепчиком на голове.

– Привет и здоровья тебе, Снефрид! – заговорил Фроди, увидев ее. – Не надо хмуриться, не надо! Тебе это не к лицу!

Его длинное лицо, которое светлая борода и стоящие торчком над затылком волосы делали еще длиннее, приобретало жалкий вид, когда он хотел казаться приветливым.

– Я вовсе не хмрюсь, – Снефрид продолжала улыбаться, хотя вот сейчас ей захотелось нахмуриться: зачем Фроди выдумывает то, чего нет?

– Но я же вижу, вижу! Ты думаешь, опять приехал этот докучливый... э... а я вынуждена принимать его... э...

При виде Снефрид, и в скромной домашней одежде величавой, как молодая норна, мужчины и покрепче духом, чем увалень Фроди, смущались и принимались блеять. Черты продолговатого, худощавого лица у нее были правильные, но скорее жесткие, чем тонкие, подбородок угловатый; лишь в профиль ее лицо выглядело изящно благодаря тонкому, с легкой горбинкой носу и выразительному высокому лбу. Да и взгляд больших глаз у нее был пристальным, сосредоточенным, как у мужчины. Так смотрят, держа в руках обнаженный клинок, и эти серебристо-серые глаза сами напоминали блестящую сталь. Но никто не считал Снефрид женщиной суровой или недружелюбной. Стоило на ее ярких, довольно пухлых губах появиться улыбке – и все лицо менялось, как по волшебству, черты смягчались, во взгляде появлялась приветливость и сердечное доверие. Говорили, что кровь альвов позволяет ей выглядеть то нестигаемой, как клинок из серебра, то нежной, как цветок шиповника, по своему выбору. Толкуя за пивом, все мужчины сходились, что нет в «сотне» корабельного округа женщины более прелестной. Ульвара называли редким везунчиком, что сумел раздобыть такую жену, и при этом редким болваном, что по полгода пропадает за морями, оставляя ее одну. Вокруг другой молодой женщины в таком положении вились бы сплетни, но Снефрид обладала способностью одним взглядом заморозить недостойные помыслы. Даже в эти последние годы, когда она жила то одна, то у отца, будто вдова, а муж ее пропадал неведомо где, ее окружало такое достоинство, будто она королева, ждущая мужа с победоносной войны.

– Я вовсе так не думаю, Фроди, – сказала она, и сейчас ее серебристый взор выражал мягкую снисходительность. – Мы с отцом всегда тебе рады.

Фроди был слишком незначительным противником, чтобы она извлекла свой «серебряный клинок», но и не настолько приятным человеком, чтобы подносить ему цветок своей улыбки. И Фроди, похоже, чувствовал, что его она просто не удостоивает настоящим вниманием.

– Не подумай, я к вам вовсе не по тому делу! – оживленно продолжал он. – Скажу вам честно, взяли бы тролли это дело, я был бы только рад! Это все Кальв, Кальв это все, клянусь вам! Я бы давно уже на те деньги плюнул и забыл, плюнул и забыл! – Фроди махнул пухлой рукой. – Ну бы их в синюю скалу! Но это все Кальв, он уперся!

– Нет смысла это обсуждать, – попытался остановить его Асбранд. – Конунг же решил: раз уж людей ограбили викинги, никто в этом не виноват...

– Да, конунг прислушался к тебе... я очень рад, очень рад! – поспешил уточнить Фроди. – Я вовсе не стал бы подавать с этим в суд, но Кальв решил это дело за нас двоих! Мол, если Ульвар вез товар, то он и отвечает...

– Хватит об этом, Фроди, – настойчиво посоветовала Снефрид. – Мы же здесь не на тинге, и конунга тут нет. Сейчас я принесу вам пива.

– Спасибо тебе, Снефрид, ты такая хорошая, добрая хозяйка! А я с чем приехал-то, Асбранд, – не давая ей уйти, Фроди повернулся к отцу. – Тоже ради хозяйки. Ради моей бедной Гуннхильд. Я вот надумал: для такой хорошей женщины нужно сделать поминальный камень, нужно сделать! Ты ведь сделаешь его для меня, то есть для нее?

– Нечасто приходится ставить камни по женщине, – Асбранд слегка удивился, – но отчего же нет? Это желание делает тебе честь, Фроди.

– Да что мне, я хочу ей оказать честь, ей! Напиши, мол, так: Фроди поставил камень по Гуннхильд, своей жене, самой лучшей хозяйке на хуторе Синий Лес...

– Ты выбрал место?

– Да, возле хутора, где у нас овечий выпас, перед ельником есть каменистый склон, и там несколько хороших мест – гладкий камень, и мха нет, вот такой! – Фроди раскинул длинные руки. – Можно сделать такого красивого, знаешь, змея, чтобы он вился, змея! Всякий, кто будет ехать по склону, непременно увидит надпись, увидит! Прочтет, если сведущ, и скажет: вот, мол, какая была достойная женщина эта Гуннхильд, достойная, если по ней сделали камень!

– И змея! – невольно подхватила Снефрид. – Но это получается, отцу придется ехать к вам на все время работы.

– Надо ехать, да, надо ехать! Но я буду только рад принять у себя Асбранда хоть на месяц, хоть на два! Хоть до самого июля! – Фроди заморгал своими желтовато-серыми глазами, которые Снефрид про себя называла козьими. – Я бы и тебя пригласил с ним заодно, проведите у меня хоть всю зиму, я буду только рад, только рад!

– Но мы же не можем оставить дом совсем без хозяев... – Снефрид вовсе не тянуло к обществу Фроди.

– Это я понимаю, понимаю! Хорошая хозяйка не может... Я умею ценить хорошую хозяйку, вот, как моя Гуннхильд. Всякий, кто поедет по склону, увидит надпись и скажет: вот, мол, была достойная женщина...

Снефрид улыбнулась еще раз, благодаря за приглашение, и собралась уйти, давая понять, что у нее дела по хозяйству.

– Постой! – задержал ее отец. – Приезжал парень – твоя тетка хочет тебя видеть.

– Хравнхильд? – Снефрид раскрыла глаза, хотя у нее имелась всего одна тетка.

– Да. Парень из Лосиной Горы проезжал мимо и сказал, она просит тебя ее навестить.

– Она захворала?

– Про это он ничего не сказал. Сказал, что ты не пожалеешь, если приедешь, так она просила передать.

– Тогда я, пожалуй, поеду прямо сейчас. Ведь если ты уедешь с Фроди, мне потом не удастся отлучиться из дома.

– Тетку надо навестить, надо! – одобрил Фроди, как будто Снефрид нуждалась в его одобрении. – Когда у людей мало родни, надо особенно ценить ту, что есть, надо ценить!

С облегчением попрощавшись с ним – Фроди был из тех людей, что вроде бы приветливы с вами, но нагоняют досаду и тоску, – Снефрид заглянула в женский покой, чтобы оставить Мьёлль поручения по хозяйству, потом надела зеленый шерстяной чепчик, серый кафтан и на всякий случай накидку из грубой шерсти – мог пойти дождь, – и отправилась седлать лошадь.

Ехать было не очень далеко – два с половиной роздыха. Едва миновал полдень, день прояснялся, и Снефрид надеялась, что обойдется без дождя. Нынешнюю пору года, пусть холодную и дождливую, Снефрид считала самой красивой: весной и летом нет такого разнообразия красок, как сейчас, когда листва, хвоя, мхи на валунах и каменистых склонах пестрят всеми оттенками зеленого, желтого, красного, бурого, сизого, а небо, то голубое, то серое, служит этому отличной подкладкой. От свежего ветра она разругивалась, ветер вытащил из-под чепчика несколько прядей прямых светлых волос, и если бы незнакомый человек встретил ее на каменистой тропе через ельник, верхом на светло-серой Ласточке, то мог бы подумать, что эта величавая красавица с серебристыми глазами – настоящая дочь конунга Альвхейма.

Тетка Хравнхильд, сестра Виглинд, замужем никогда не была и до сих пор жила на старом отцовском хуторе, под названием Каменистое Озеро. Само озеро лежало от него в полусотне шагов – мелкое, не очень большое, оно было все усыпано торчащими из воды серо-бурыми

гладкими камнями. В детстве, пока Виглинд была жива, Снефрид иногда ездила сюда вместе с матерью, и ей казалось, что эти камни – чудовища, которые днем притворяются мертвыми, а ночью начинают шевелиться, могут даже выползать на берег, если заметят поживу... Особенно Ульвар, тогда еще подросток, старался начинить ее голову такими рассказами, уверял даже, будто бывал на Каменистом Озере светлыми летними ночами и сам видел, как чудовища утащили то курицу – только перья остались на берегу, – то лося, что приходил попить воды, – одни рога остались, – то неосторожную девочку («одна косичка осталась», добавляла Снефрид). И что он якобы видел, как Хравнхильд в полночь выходит на берег и творит заклинания, чтобы оживить этих чудовищ. Снефрид надменно отвечала ему, что не верит в эти глупости, но в душе не была так уверена.

Когда Снефрид подъехала, тетки нигде не было видно, только четыре ее козы бродили по ближнему пригорку. Старый длинный дом был разделен на три части: середина была жилой, а по бокам располагались хлев и кладовка, в каждое помещение вела отдельная дверь. Оставив Ласточку под навесом, Снефрид прошла в дом. Огонь в очаге почти угас, и Снефрид подложила несколько мелких полешек. Как всегда, еще на входе ее охватил запах сухих трав. У Хравнхильд их было великое множество – все полки, все балки были увешаны сухими пучками или льняными мешочками с сушеными листьями или корешками. Хравнхильд была самой лучшей в корабельном округе лекаркой. А еще она была повитухой, вёльвой и могла предсказать судьбу новорожденному.

Позади скрипнула дверь. Снефрид обернулась.

– Это ты! – Хравнхильд, остановившись у порога, в выразительном изумлении широко открыла глаза. – Уже и прискакала!

– Ты же видела мою лошадь. Привет и здоровья тебе, Хравнхильд, – приветливо сказала Снефрид, но не подошла: целоваться у них с теткой не было в обычае.

– Не думала, что ты так скоро найдешь время!

– Моему отцу придется уехать из дома, тогда я уж точно его не найду.

– Стало быть, я должна поблагодарить норн за то, что вынуждают его уехать!

– Хравнхильд, ты же хотела меня видеть? – невозмутимо спросила Снефрид. – Или мне отправиться обратно?

Она давно привыкла к язвительным повадкам тетки – та и с Виглинд, пока сестра была жива, обращалась так же, а со дня ее смерти перенесла это обращение на племянницу. Значит, сочла ее достойной заменой.

Ничего не ответив, Хравнхильд прошла и села возле очага, пошевелила огонь. Она была лет на семь-восемь старше Виглинд, и сейчас ей было пятьдесят без малого. Одета в платье из серой шерсти и такой же хангерок без застежек, подпоясанная передником, с подолом, слегка испачканным сажей от котла, Хравнхильд тем не менее не выглядела бедной – так могла бы выглядеть хозяйка богатой усадьбы, если бы оделась похуже, чтобы, скажем, принять теленка у любимой коровы. Дело было в выражении лица – таком, будто она одета в узорные греческие шелка; мысли ее были сосредоточены на таких важных предметах, что беспокоиться об одежде было ниже ее достоинства. Подрастая и начиная задумываться об этих делах, Снефрид недоумевала: почему Хравнхильд не вышла замуж? Она ведь была весьма хороша собой, даже красивее, чем Виглинд. Такое же, как у Снефрид, продолговатое, высоколобое лицо, но черты тоньше, изящнее; высокие скулы, довольно яркие голубые глаза при темно-русых волосах и черных бровях казались еще ярче – будто чистые озера, зеркала летнего неба. От этой красоты и сейчас сохранилось немало – лицо тетки покрылось морщинами, волосы наполовину поседели, но черты еще не поплыли, глаза не потускнели. Наверняка тридцать лет назад нашлось бы немало желающих на ней жениться. Но правды Снефрид не знала: Виглинд уже умерла, когда ее дочь начала над этим задумываться, родителей матери Снефрид не знала. Ее собственный отец хмурился при упоминании свояченицы и никогда к ней не ездил, и Снефрид

не решалась его расспрашивать. Возможно, Хравнхильд была низкого мнения о мужчинах и замужестве вообще – когда Снефрид собралась замуж за Ульвара, тетка так решительно возражала, что даже сама приехала в Оленьи Поляны и пыталась отговорить Асбранда от этой свадьбы. Снефрид их разговора не слышала, но запомнила, что с того дня отец вовсе не желал видиться с Хравнхильд, ни у нее дома, ни у себя. Но Снефрид не запрещал к ней ездить – все-таки единственная родственница.

– Нет ли вестей о твоём беглеце?

Хравнхильд никогда не называла Ульвара по имени.

– Откуда же им теперь взяться? – Снефрид покачала головой. – Теперь до лета никаких вестей не будет, разве руны что подскажут.

– У госпожи Алов тоже ничего не слышно.

– Ты была там?

– Нет, она присылала вчера ко мне человека. Привез хорошие гостинцы – от пира Зимнего Полнолуния. Я затем тебя и позвала – мне одной столько окороков, сыров и пирогов не съесть, хочу отдать тебе половину. И еще прислала мне шубу на лисе. Вон, погляди, – Хравнхильд с удовольствием кивнула на стену, где висела новая вещь – шуба, крытая светло-синей шерстью, с отделкой из шелковой тесьмы. В обычном темном доме она выглядела чужеродно, будто где-то тут сидит богатая гостья.

– Роскошный дар, – согласилась Снефрид, подойдя поближе рассмотреть тесьму.

– Тебе ведь такого не подарят те болтуны, что таскаются к твоему отцу.

– Мне есть в чем ходить, – Снефрид улыбнулась. – К тому же пришлось бы слишком много даров готовить им в ответ.

– Если бы ты послушала меня, то и тебе присылали бы самые богатые дары, за которые не надо давать отдарков.

– Хравнхильд, мы уже об этом говорили, – Снефрид снова села и разгладила платье на коленях. – Я не хочу быть чересчур мудрой. Мне хватает дел по своему хозяйству, я не могу управляться еще с чьей-то судьбой.

– Тебе придется. Норны выбрали тебя, я это знаю с твоего рождения. Но я сама тогда была еще молода и сдуру сказала об этом твоему отцу. За то он меня и невзлюбил с того самого дня. Потому и выпихнул тебя еще девчонкой замуж за того простофилю, что боялся...

– Вовсе отец меня не выпихнул! – перебила ее Снефрид. – Я сама хотела выйти за Ульвара. И не жалею об этом. И вовсе он не простофиля...

– Ну а кто же он? Что, те двое больше не требуют с тебя своих денег? Фроди Тюлень и Кальв Деревяшка?

Снефрид невольно засмеялась новым прозвищам, которые тетка дала ее неприятелям.

– Фроди сегодня был у нас. Позвал отца делать камень по его жене. И сказал, что вовсе не по этому делу – он, дескать, вовсе его не хотел, это все Кальв...

– Ты его слушай больше! Они с Кальвом поют одну и ту же песню, хоть и разными головами. Оба они мечтают ободрать тебя, как вяленую треску, чтобы остался один голый хребет. Только Фроди похитрее – валит все на Кальва, таскается к вам, притворяется другом, чтобы повернее знать, как у вас дела. Ему только и надо, что выяснить, остались ли у тебя деньги и стоит ли подносить подарки конунгу и всем его приближенным, кто может ему помочь. Чтобы не оказалось, что он роздал даров на большую стоимость, чем сможет выиграть. Говоришь, он хочет заказать камень по жене? И небось с надписью, какой прекрасной женщиной была эта толстая клуша? Эта гора жира, что была славна только своей походкой – будто тюлень, ползущий по суше?

Снефрид не могла не засмеяться – обладая злым языком, Хравнхильд была точна в свои оценках. Покойная Гуннхильд, достойная супруга Фроди, была ростом с него и не менее дородна. Ульвар когда-то рассказывал, будто однажды стадо тюленей рванулось на берег, уви-

дев там Гуннхильд и приняв ее за самку своей породы. Гуннхильд, дескать, была польщена, но Фроди вступил с тюленями в бой. Конечно, это была неправда, но Ульвар так смешно рассказывал, изображая приступ пылающих страстью тюленей, что Снефрид и сейчас улыбалась, вспоминая об этом.

– Это Фроди не ради нее старается, – продолжала Хравнхильд, – а ради тебя! Хочет показать, какой он хороший муж! Вот увидишь – еще до йоля он к тебе посватается.

Тут Снефрид захохотала еще пуще. Она – и Фроди! Да любой умер бы со смеху, вообразив такую пару!

– Но как... как он ко мне... посватается, – с трудом выговорила она, – если мой муж... жив! Если бы они с Кальвом думали иначе, то не пытались бы с ним судиться.

– Он сыщет способ тебя убедить.

Снефрид уняла смех: в голосе тетки послышалось предостережение.

– Эти двое от тебя не отстанут. Если они и не смогут выжать из тебя деньги, Фроди будет домогаться тебя самой. На самом деле, такая плата ему даже больше понравится.

Снефрид лишь чуть свела свои светлые, красиво выписанные брови, но взгляд ее приобрел твердость и остроту клинка. Это казалось нелепым, но Хравнхильд славилась точностью своих предсказаний.

– И лучше бы тебе было послушать меня, – продолжала Хравнхильд. – Если ты возьмешь мой жезл, то ни Фроди, ни Кальв, ни сам конунг ётунов не смогут ни к чему тебя принудить. Они все будут лебезить перед тобой, как сейчас передо мной, и госпожа Алов будет слать тебе подарки.

– Но зачем она будет слать мне подарки, когда у нее есть ты! – будто защищаясь, ответила Снефрид.

– Я не вечна. Хотя я и была моложе, чем ты сейчас, когда принимала старшего сына Алов, он намного меня переживет. Его нить намного длиннее моей. И твоя нить такой же длины. А его нить обязательно нужно передать. Оставшись без своей норны, он натворит немало бед.

– Так неужели тебе некому его передать? – Снефрид беспокойно поерзала на месте. – Наверняка ты знаешь других женщин, таких же мудрых, как ты...

Она точно знала, чего хочет, а чего не хочет, но воля тетки не уступала по твердости ее воле, да к тому же была подкреплена вдвое большим жизненным опытом. Прожив полжизни одна, та привыкла во всем поступать по-своему, и Снефрид было трудно с нею спорить.

– Ваши нити *связаны*! Ты последуешь за ним. Так тебе суждено.

– Нет! – Снефрид встала на ноги, чувствуя, что должна бороться против попыток ее принудить, пусть даже со стороны судьбы. – У меня есть муж. И мне не нужны другие мужчины, и никуда я не собираюсь следовать за тем, кого даже не знаю...

– Ты не можешь этого изменить! – Хравнхильд тоже встала. – Как будто это я придумала! Так суждено!

Они стояли напротив друг друга, разделенные низким, обложенным крупными валунами очагом, где уже почти угас огонь. Две женщины и впрямь напоминали норн, спорящих над колыбелью новорожденного, – одна молодая, другая средних лет, одна светлая, как день, другая темная, как сумерки, и при том наделенные сходством, которое любому бросилось бы в глаза. Даже не зная сути их спора, всякий признал бы правой темную норну – само это сходство говорило, что младшая напрасно противится судьбе. Старая собака Хравнхильд, спавшая у очага, встревоженно подняла голову и села.

– И твой отец об этом знал! Он потому и выпихнул тебя замуж, едва это стало прилично, за первого, за кого было прилично отдать, что хотел отогнать твою судьбу. И вот к чему это привело – твой муж сгинул, но так, что ты не можешь взять другого, поэтому к тебе и не сватается никого поумнее, чем этот Фроди. Судьбу не обманешь. Она упрямее любого упрямца, и у нее много времени. Больше, чем человеческая жизнь.

– Мне не нужна такая судьба! – Снефрид старалась говорить твердо, но от волнения у нее дрожал голос. – Я мало об этом знаю... но достаточно, чтобы не желать знать больше! Мне не нужен твой жезл, не нужны подарки. И Ульвар когда-нибудь вернется. Отец раскидывал руны и знает: он жив и на свободе. У него не так уж плохи дела. Скорее хороши, чем плохи. Можешь ты утверждать, что это неправда?

– Отчего же, не могу, – Хравнхильд усмехнулась не без ехидства. – Он может быть жив, на свободе и даже нажил некое богатство. Но здесь, в нашем округе, в Свеаланде его ноги больше не будет никогда! Что тебе толку от мужа где-нибудь... в Грикланде! А покровительство знатных людей тебе очень даже пригодится. Ты думаешь, просто так конунг отклонил жалобы этих двух выроdkов? Госпожа Алов замолвила за вас словечко Фридлейву, а он – конунгу.

– Хорошо, что конунг не знал об ее участии! Говорят, он не слишком хорошо о ней отзывается!

– Может, и так, но Фридлейв не оставляет мысли жениться на Алов, а потому выполнит любую ее просьбу. А ты можешь сама стать настолько сильной, что не будешь нуждаться в их помощи. Иначе эти двое обдерут тебя, как треску, и ты останешься в одной рубашке. И все равно придешь ко мне, чтобы я не дала тебе умереть с голоду, и все равно примешь твою судьбу, но только более дорогой ценой, чем сейчас. Я тебе дело предлагаю.

– Я не желаю... этим заниматься, – Снефрид упрямо потрясла головой.

– Ты еще не знаешь, что такое настоящая сила, – тихо, не то мечтательно, не то маняще ответила Хравнхильд, и в голосе ее звучало вдохновение. – Что такое настоящее могущество. Тебе лишь не хватает смелости оторваться от старых привычек. Это все твой отец – все пытался сделать из тебя женщину, как все! Но если ты сойдешь с этой дороги, то будешь упиваться тем, чего сейчас боишься. Ты еще так молода – у тебя так много времени впереди, чтобы обрести знания, силу и влияние. Ты сможешь повелевать самыми могущественными людьми... даже конунгами. Станешь, как те великие вёльвы древности, без совета которых конунги не начинали походов. Как Идибера и Альбрюн! Если бы ты...

Хравнхильд вдруг замерла, будто у нее перехватило дыхание, и замерла с открытым ртом. Снефрид пронзил испуг – она так ясно представила, что тетка умрет в это самое мгновение, пораженная невидимым «копьем дверга»⁴, и рухнет с ног, прямо в очаг...

Но Хравнхильд не рухнула. Она снова сделала вдох и шагнула к Снефрид, обошла очаг, приблизилась и взяла ее за руку. Снефрид не отстранилась – испуг еще жил в ней, она была готова поддержать тетку. Собака, виляя хвостом, стала соваться носом в их руки, будто тоже участвуя.

– Это она... – зашептала Хравнхильд ей в самое ухо; они были совершенно одного роста. – Старая... старая паучиха... Никто не знает, где она таится, в какой щели прячется, но она оттуда видит и слышит все.

– К-кто? – прошептала Снефрид.

Ее продрало морозом по спине – немалая угроза нужна, чтобы напугать Хравнхильд.

– Вирд-кона Бьёрна конунга, – почти совсем неслышно ответила та. – Ему пошел восьмой десяток. А ей, выходит, уже лет под сто. Хотя, может, она и передала свой жезл, и сейчас его вирд-кона – такая же молодая и красивая, как ты. Только ему уже с нее в этом смысле мало толку. Но она может продлевать ему жизнь, отнимая жизнь его потомков. Она убила младшего сына Алов, чтобы подкормить силу его деда. Алов боится, что она убьет и двух остальных, и правильно боится. Прошло уже лет шесть – та сила истощилась, нужна новая подкормка. Алов осыплет тебя серебром, если поверит, чтобы ты можешь защитить двух оставшихся.

– Но я не могу!

⁴ «Удар дверга» и тому подобное – обозначение внезапной боли, приступ болезни, что приписывали ударам со стороны невидимых вредоносных существ.

– Ты сможешь, если я тебя научу. Если ты возьмешь жезл. Не упрямься. Твоим упрямством ты вредишь и себе, и мне, и сыновьям Алов.

– Вот уж кто меня не беспокоит! – фыркнула Снефрид. – Пусть они сами заботятся о себе.

– Ты не уйдешь от своей нити. Ведь это все равно что пытаться уйти от собственных кровеносных вен. Твой жребий давно нарезан. Противясь ему, ты лишь заставишь судьбу... применить силу. Разве тебе станет от этого лучше? Я знаю, ты гордая, и силы тебе не занимать. Но судьба сильнее всякого. Даже Бьёрна конунга. И представь, что *ты* станешь той, кто положит предел его жизни...

– Хравнхильд, что ты такое говоришь! – дрожа, взмолилась Снефрид и в тревоге оглянулась на дверь.

На хуторе, кроме Хравнхильд, имелись только куры, козы и старый работник Кари, который не мог подслушать, поскольку уже много лет был совсем глух. Но Снефрид содрогалась, будто на нее лили ледяную воду. Тетка совсем сошла с ума – говорит о том, чтобы колдовством причинить вред самому конунгу! За одни разговоры их обеих утопят, надев на головы по кожаному мешку. Да и чем плох Бьёрн конунг – Снефрид он ничего худого не сделал. А что живет третий срок и, как говорят, питается отнятыми жизнями своих потомков, то Снефрид – не из его потомков и ей ничего не грозит. Если она не будет слушать свою безумную тетку.

– Я говорю о том, что если старый Бьёрн наконец умрет, то конунгом станет старший сын Алов. И если он будет знать, что ты помогла ему в этом... Не знаю, сумеешь ли ты заставить его сделать тебя своей королевой, но даже если и нет, влияние на него ты будешь иметь больше, чем любая законная королева. Вся жизнь, даже когда молодость и красота покинут вас обоих. Ты говоришь, он – дикий зверь? Да, это правда. Так и есть. Он по заслугам носит медвежью шкуру – не как иные хвастуны, что напялят ее на свои хилые плечи и притворяются берсерками, чтобы выманить у трусливых бондов овцу и бочонок пива. Нет, этот – настоящий. Истинный дух Одина кипит в его жилах. И ты будешь повелевать им, будто своим ручным хорьком. Он будет жаться к твоим коленям, будто преданный пес. Он разорвет любого, кто худо на тебя взглянет, а сам будет лизать тебе ноги, руки...

У Снефрид кружилась голова – тетка словно рассказывала ей сагу о древних временах, страшную сагу, не имеющую никакой связи с ее жизнью. Это в сагах норны являются при рождении конунга, предрекает ему судьбу и оберегают всю жизнь. Приносят удачу и даруют победы. Но где те норны – и где она, Снефрид с хутора Оленьи Поляны?

При последних словах тетки ее снова передернуло. От этих намеков перед нею распаивалась бездна – способная и дать силу сильному, и поглотить слабого. Эта бездна не знает милосердия и жалости к тому, кто позволит ей себя заметить, не обладая достаточной силой.

– «Медвежья жена» принимает звериный дух Одина, – зашептала Хравнхильд. – В себя. Освобождая тех, кто его принес. Делая их людьми. И потому они всегда слушаются ее, как не слушаются и родную мать – она ведь держит в своих руках их дух и разум. Не угоди они ей – и превратятся в бешеных псов, а потом – в изрубленные трупы. Они это знают. А теперь представь, что среди твоих питомцев будет не просто берсерк, но конунг-берсерк. Не каждый наследник конунга рождается с задатками берсерка, и уж тем более не каждый, в ком есть дух зверя, имеет право на власть конунга!

– Я вовсе этого не хочу! – простонала Снефрид, обессиленная этой борьбой.

– Это хочет тебя! – значительно выговорила Хравнхильд и опять села на скамью, обхватив руками колени.

Она тоже устала – под глазами ее залегли тени, морщины стали заметнее. Вся она как будто опала, и, в своем сером платье, слегка испачканном сажей, стала напоминать не женщину, а кучу ветоши. Тетка права, мелькнула мысль у Снефрид, она слабеет! Что если она больна и проживет недолго? Что если ей и в самом деле нужна преемница, а ее не будет...

Снефрид не собиралась становиться преемницей тетки, но в этот миг поверила, что останется жезл вёльвы без хозяйки – это принесет неисчислимые беды.

– Мне пора домой, – прошептала Снефрид. – Не то стемнеет, а луны сейчас нет.

– Поезжай, – кивнула Хравнхильд. – Я приготовила тебе, вон, возьми, – она кивнула на ларь у двери, где на крышке лежал мешок. – Там два окорока, сыры, хлеб...

Снефрид не очень-то хотелось брать эти дары – после всего услышанного они казались ей платой за ее согласие. Но и отказаться она не посмела, боясь обидеть тетку.

– Благодарю тебя, – Снефрид надела кафтан и взяла мешок. – Будь осторожнее! – вырвалось у нее, и снова представилась какая-то неведомая старуха, сидящая с прялкой в расселинах скал и прядущая злые чары.

– Мне уже нечего себя беречь, моя сила иссякает. – Хравнхильд посмотрела на нее запавшими глазами. – А вот если однажды ты найдешь меня мертвой, тебе куда труднее будет разобратся в том, что делать.

– Не говори так. Если та старуха живет сто лет, почему ты не сможешь?

– Она уже однажды переселилась в другое тело, помоложе, и совсем скоро ей придется проделать это снова. Но ты ведь предпочла бы взять мой жезл, а не отдать мне твою молодую жизнь, ведь так?

– Ты что – мне угрожаешь? – Снефрид вдруг увидела в тетке ту страшную колдунью.

– Нет. Ты дочь моей сестры, я не причиню тебе вреда. Я пытаюсь уберечь тебя от ненужных бед. Ты сама себе вредишь. Но если уж ты не желаешь верить, то мне тебя не убедить. Это сделают другие. И помогите нам, асиньи, чтобы я в то время еще оказалась жива!

С этим Снефрид и распрощалась с теткой Хравнхильд. Привязав мешок к седлу Ласточки, она взобралась на камень у стены хлева, оттуда в седло и поехала в сторону дома. Над озером поднимался туман, в ельниках кричали совы. Снефрид старалась не оглядываться, но серые спины озерных чудовищ сами собой приходили ей на ум.

Глава 2

Снефрид не была пугливой, однако прошло несколько дней, прежде чем она смогла избавиться от тягостного впечатления, оставленного свиданием с теткой. К счастью, отца не было дома, а Мьёлль только посматривала на нее вопросительно, и Снефрид старалась разгладить лоб. Возможно, у Хравнхильд расстроилось здоровье, а женщине в ее годах нетрудно вообразить, что ее уже ждет погребальный костер. Отсюда эта угрюмость, склонность к мрачным и грозным пророчествам. Но ее это все не касается. Снефрид не чувствовала в себе никакого призвания к сотворению чар и не желала этого.

Больше ее волновало другое: верны ли слова Хравнхильд насчет Ульвара? Верно ли, что он за прошедшие три года нажил богатство и находится в Грикланде? Если так, почему не дает о себе знать? Хравнхильд сказала, что домой в Свеаланд он никогда не вернется. Неужели это тоже правда? При мысли об этом Снефрид охватывала растерянность. Все эти три года она ждала – ждала и надеялась, что однажды Ульвар вернется и они проживут как прежде. Ну а если нет? Что ей тогда делать – одной, не женой и не вдовой? Остаться с отцом, пережить его, сделаться со временем такой же, как Хравнхильд – одинокой и немного не в своем уме? Только ей госпожа Алов покровительствовать не будет.

И когда Снефрид доходила до этой мысли, тихой змейкой вползала следующая: так может, стоило бы... Ну, не соглашаться, а разузнать получше, чего от нее хочет Хравнхильд? Что от нее потребуется? Может, все не так уж страшно?

– Смотрю, не пошли тебе впрок тетнины дары, – заметила как-то Мьёлль. – С тех пор как ты приехала от нее с этими окороками, ты все хмуришься. Лучше бы мы своим сыром питались, чем есть чужую свинину пополам с тоской.

Мьёлль сейчас было чуть меньше сорока. Сразу после женитьбы на Виглинд Асбранд купил на большом рынке в Бьёрко молоденькую рабыню с белой как молоко кожей, светлыми глазами и белесыми ресницами. За эту белизну Виглинд дала ей имя Мьёлль⁵; выяснить ее настоящее имя тогда не удалось, поскольку девушка, финка родом, не знала северного языка, и объясниться с нею поначалу удавалось только знаками. За прошедшие с тех пор двадцать с лишним лет она выучила язык (а заодно и привыкла к новому имени), два раза отвергла желающих ее выкупить, чтобы жениться, и Снефрид доверяла ей во всем.

– Она... я думаю, ей нездоровится, – ответила Снефрид, снова вспоминая осунувшееся лицо тетки. – Она грозит, что умрет, что однажды... я найду ее мертвой, и тогда мне придется... самой учиться управляться с ее жезлом вёльвы. А она уже не сможет мне помочь.

– Не лучше ли тебе тогда будет взять этот жезл да и бросить его в самое глубокое место Лебяжьего озера? Из чего он сделан?

– Кажется, из бронзы. Не помню, чтобы я его видела, но мне так кажется.

– Значит, утонет.

– Было бы неплохо. Но, понимаешь... а что если она говорит правду, и тогда... выбросить жезл будет все равно что выбросить узду – от этого строптивый жеребец не станет спокойнее.

– И кто этот жеребец? – Мьёлль поняла ее мысль.

– Она намекает, что это старший сын госпожи Алов из Тюленьего Камня.

– Из тех сыновей, что она родила от Бьёрнова сына?

– Да, которые считают себя наследниками Бьёрна, только он не хочет признавать этой женитьбы. Говорит, что он этого брака не разрешал, а значит, Алов Анунду была не жена, а наложница, и ее три сына – «дети рабыни». Сигурд хёвдинг предлагал ему хоть двадцать свидетелей, что его дочь была Анундом взята в жены «даром и словом», так как все это было

⁵ Мьёлль означает «снег».

на йольском пиру, но наш конунг упрям, как старый окаменевший тролль. Дело не в том, что он не верит в эту свадьбу, – Снефрид понизила голос. – Ему не нужны законные наследники. Ему нужны... его кровные потомки, потому что он умеет из них вытягивать жизнь, чтобы продлевать собственную.

– Чего же тут дивного? – Мьёлль двинула плечом, не переставая пряхать серую шерсть осенней стрижки. – Если человеку восьмой десяток, а он все еще жив, как же тут обойтись без колдовства? Без колдовства столько не живут.

– Правда то, что уже четверо или пятеро его родичей-мужчин умерли молодыми, без всякой видимой причины. И сам Анунд тоже. С его женитьбы прошло лет пять или шесть, он там и жил в Тюленьем Камне у своего тестя, как однажды упал лицом на стол и умер мгновенно. Что это могло быть, кроме как удар копьей «могучей жены»⁶? Больше ничего. Это многие люди видели, даже Фридлейв. Я несколько раз слышала, как он об этом рассказывал, он был на том пиру. Ну а кто же мог подослать эту «могучую жену» с ее невидимым копьём? – Теперь Снефрид говорила едва слышно. – Только старая вирд-кона самого Бьёрна. Больше это вроде бы никому не нужно.

– А кто такая эта вирд-кона? Его кормилица?

– Да! – несмотря на тревогу, Снефрид не могла не засмеяться этому сравнению. – Его старая кормилица. Только она кормила его не обычным молоком, а удачей.

– Как это?

– У знатных вождей, у конунгов и им подобных, есть спе-диса, – собственная диса, которая приходит к человеку при рождении и остается с ним на всю жизнь. Следует за ним в любой дороге, оберегает от бед, приносит удачу. Иногда их посылает сам Один или Фригг, так бывало в давние времена. А сейчас, чтобы у человека появилась спе-диса, ее нужно призвать. Для этого родители еще до рождения ребенка находят мудрую женщину – вирд-кону, которая умеет это сделать, и зовут ее в повитухи. Во время родов она призывает дух спе-дисы в саму себя. Она принимает ребенка, обмывает его, передает на руки отцу и предрекает ему судьбу. Очень важно найти хорошую, сильную вирд-кону. Хравнхильд уже в моих нынешних годах была такой. Моя мать рассказывала, что ее сестра лет с тринадцати только и бредила чарами. Ее учили родители – мои дед и бабка. Госпожа Алов и Анунд позвали ее, когда у них должен был родиться первенец. Именно ее, а не Лаугу, мою бабушку, чтобы вирд-кона была помоложе и прожила подольше. Но теперь ей под пятьдесят, она хочет, чтобы я забрала ее жезл и вместе с ним обязанность быть вирд-коной... этого человека.

– Да уж, такого удалца не захочешь иметь в родне. Он, слышно, «морской конунг» и враждует с собственным дедом.

– Хорошего мало, но худшее не это. Если враги не могут одолеть человека, у которого есть вирд-кона, они ищут ее и стараются убить. Чтобы он остался без судьбы и стал легкой добычей. Поэтому вирд-кона хранит свои связи в глубокой тайне. Чтобы никто не догадывался, что именно эта женщина... На вид она может быть самой обычной.

– Да твоя тетка сошла с ума! – возмутилась Мьёлль. – Она хочет, чтобы тебя убили? Уж конечно, у этого берсерка врагов довольно, раз он хочет стать нашим конунгом, а никто другой этого не хочет!

– Ну, она не желает мне доли худшей, чем столько лет несла сама, – справедливости ради заметила Снефрид. – Если подумать, она уже в молодости была очень смелой женщиной, если решилась стать вирд-коной Анундовых сыновей, зная, что Бьёрн конунг их не признал. Правда, тогда она еще не знала, что он питается жизнями своих потомков. Ему в то время было лет пятьдесят. Кто же мог догадаться, что он желает жить вечно?

⁶ «Могучей женой», наносящей невидимый удар, в таких случаях называлась валькирия, норна, диса или иной враждебный человеку дух женского пола.

– Она могла думать, что Бьёрн все же помирится с сыном.

– Если бы все пошло как обычно, сейчас этот человек был бы нашим конунгом, а Хравнхильд – все равно что его кормилицей, почти матерью. Жила бы в богатстве и большом почете. Наверное, в молодости она считала, что стоит рискнуть. Она ведь была тогда моложе, чем я сейчас! Но конунг с его внуком не помирились, а только хуже поссорились. А главный ее враг даже не сам Бьёрн, а *его* вирд-кона. Никто не знает, кто она и где она. Даже сама Хравнхильд. И неизвестно, знает ли та старуха о ней.

– И если ты возьмешь тот жезл, то твоими врагами станут они все – наш старый конунг и его еще более старая дика? – недоверчиво произнесла Мьёлль.

Недоверие ее относилось к самому предложению: ясно же, что на всем свете не сыскать безрассудной женщины, способной на это.

Снефрид не ответила: безрассудство и впрямь получалось сверх всякого вероятия.

– И заодно сам Тор! – добавила она.

– Почему это Тор?

– Потому что он убивает «жен берсерков», а это те колдуньи и есть.

– Вот уж чего не хватало! – Мьёлль взглянула на кровлю женского покоя, будто опасалась, что Тор явится на бой прямо сейчас. – С Тором ты ведь не захочешь воевать?

– Да и к чему мне? – Снефрид двинула плечом. – Я не тщеславна. Мне не нужно этой силы и влияния, которыми она меня прельщает. Я хочу жить спокойно, пока не вернется мой муж. Она, кстати, подтвердила, что он жив и нажил богатство, только где-то далеко.

– Но ведь *силой* она не может сделать тебя своей наследницей?

– Нет, слава Фригг.

– Ну и забудь обо всем этом!

– Я так и собираюсь сделать...

Этот разговор, давший возможность выговорить все свои сомнения, успокоил Снефрид, но только отчасти. Мьёлль была женщина простая, но здравомыслящая. Если она уверена, что от жезла вирд-коны надо держаться подальше, то оно так и есть. Снефрид старалась утвердиться в мысли, что рассудила правильно. Она ухаживала за осенними козлятами, доила коз, делала сыр, пряла шерсть, пекла хлеб, и за этими обыденными делами все меньше верилось, что где-то существует колдовство, продлевающее жизнь жадному старику.

К тому времени как Асбранд вернулся домой из Синего Леса, Снефрид уже повеселела. И лишь иногда ощущение безопасности покидало ее – когда всплывал в памяти голос тетки и ее слова: «Это хочет тебя»...

* * *

На йольские пиры Асбранд снова был приглашен к Фридлейву хёвдингу, а Снефрид, Мьёлль и двое работников отпраздновали дома, с пивом и запеченным поросенком.

– Не видел ты там Фроди и Кальва? – спросила Снефрид, когда отец вернулся.

Не так чтобы ее очень занимали эти двое, но она помнила предостережения Хравнхильд: они, мол, от тебя так просто не отстанут.

– Нет, их не было. Кто-то говорил, что они поехали на йоль к конунгу в Уппсалу. Зато человека два-три, кто ездил мимо того склона, уже сказали мне, что камень Гуннхильд смотрится просто отлично!

– Да уж конечно, – подтвердил Оттар Сыворотка. – Я сам его видел. Сейчас, пока нет травы, а только снег и изморозь, красные руны на сером камне очень хорошо видны.

Оттар приехал вместе с Асбрандом – им, дескать, от Фридлейва по пути, почему же не заглянуть? Он уже второй год жил в Южном Склоне: купив хутор, Фридлейв сдал его Оттару внаем. В начале прошлой зимы, когда Снефрид перед продажей показывала хозяйство, Оттар

между делом заметил: жаль, дескать, что нет достоверных известий о гибели твоего мужа, иначе тебе можно было бы никуда и не уезжать... Но Снефрид не так уж любила старый Гуннаров хутор, чтобы желать остаться там уже с другим мужем, поэтому сделала вид, будто не поняла. Но Оттар не обиделся – он признавал, что Снефрид имеет право быть разборчивой, – и все это время был им хорошим соседом.

– Как поживает твоя тетка Хравнхильд? – спросил он, когда Снефрид принесла им пиво.

В этот раз он не отказался, хотя на йоле у Фридлейва тоже поили пивом целых три дня, что сказывалось на свежести лиц Оттара и Асбранда.

– Я слышал, ее пригласили на пир в Тюлений Камень, к госпоже Алов?

– Да, ее каждую зиму туда приглашают.

– Она там делает предсказания? Помост, сиденье вёльвы, «призывающая песнь» и все такое, да?

– Я думаю, да, – Снефрид улыбнулась, вообразив свою тетку во всей славе.

– Можно сказать, что у женщины удачно сложилась жизнь, если она, хоть и не вышла замуж, пользуется у людей почетом за свою мудрость. Я вот еще что подумал, – Оттар покопился на Асбранда, уже знавшего, что он хочет сказать. – Я потолковал с твоим отцом, и он со мной согласился... – Асбранд кивнул. – Ведь о твоём муже уже третий год нет никаких вестей. Если он и летом не объявится, по всем обычаям, ты можешь считать его мертвым. Если ты снова выйдешь замуж, никто не подумает о тебе худого, наоборот, тебя сочтут разумной женщиной...

– О! – Снефрид оживилась. – Я еще до йоля говорила об Ульваре с Хравнхильд. Она сказала, что он жив и даже нажил богатство, хотя и находится где-то далеко – в Грикланде.

– В Грикланде? – Оттар в удивлении наклонился к ней через стол. – Что ему там делать без денег? Может, он там поступил на службу к самому кейсару?

– Может быть, и так! – многозначительно согласилась Снефрид. – Может быть, он там стал большим человеком! Скажем, начальником всей кейсаровой стражи!

– Ну а насчет его возвращения Хравнхильд что-нибудь сказала?

Снефрид вздохнула. Ей не хотелось прибегать к прямой лжи, но и знать все предсказания Хравнхильд Оттару было не обязательно.

– Я думаю, он накопил еще не все богатства, какие мог, поэтому и не торопится возвращаться.

– Ну что же, если человеку идет удача в одном месте, может, и не стоит его покидать, – согласился Оттар и заговорил о другом.

Но вот Оттар допил пиво, пересказал Снефрид все новости, услышанные на йольском пиру, уселся на свою мохноногую бурую кобылку и распрощался. Асбранд и Снефрид вышли его проводить.

– Вечно он ждать не будет, – заметил Асбранд, глядя гостю вслед, когда тот отъехал достаточно далеко. – Ты опять отказалась, и думаю, уже скоро на Южном Склоне будет хозяйничать Гро из Искристого Ручья.

– Неужели ты хотел выдать меня за Оттара? – Снефрид недоверчиво покосилась на отца. – Я же хорошо работаю, а ем, как мышка!

– Не хотел, зачем мне этого хотеть? Но Оттар – человек надежный, да и Фридлейв не оставит его без поддержки, если что... Это ведь Фридлейв говорил на пиру, что для тебя было бы разумнее признать мужа умершим и не ждать понапрасну. Ты молодая женщина... могут пойти разные глупые слухи.

– Но только подумай, как глупо я буду выглядеть, если Ульвар однажды вернется, весь нагруженный серебром и золотом, и в пурпурной одежде, которую ему подарил греческий кейсар, и расскажет, что тот дал ему в управление половину своей страны... а я уже замужем за

Оттаром! И придется Ульвару тогда жениться на Гро! Да меня засмеют, что проворонила свое счастье.

– Да, это будет обидно, – глубокомысленно согласился Асбранд, и больше они об этом не говорили.

Снефрид немного мучила совесть. Она спрашивала себя: не из мелкого ли тщеславия она передает всем только благоприятную для Ульвара часть пророчеств Хравнхильд, скрывая то, что вернуться домой ему не суждено? Или пытается этими якобы шутками обмануть саму себя, закрыть глаза на то, что мужа она лишилась навсегда и надо что-то решать? Но при этой мысли она чувствовала себя как на берегу открытого моря, где нет ни целей, ни дорог.

Вечерами Снефрид и Мьёлль пряли у очага, в то время как Асбранд рассказывал какие-нибудь старинные предания: он знал их немало.

– В одном фюльке правил некогда конунг, которого звали Хринг. Жена его давно умерла, осталась единственная дочь по имени Хуннвёр, прекрасная собой и во всем искусная. Позади конунговой усадьбы стояла большая дикая гора, на ней никто не жил. И вот однажды в середине зимы спустился с этой горы человек огромного роста, по виду очень сильный и злобный, похожий больше на ётуна, чем на человека. В руках у него было копье с двумя остриями. Он подошел к дверям конунгова дома; охранники не хотели его впускать, и тогда он ударил их своим копьем, так что каждое острие вошло человеку в грудь и пронзило до самого хребта. Потом он вошел в палату и сказал Хрингу: «Меня зовут Харек Железный Череп. Ты, Хринг, стар и бессилён, поэтому я хочу, чтобы ты отдал мне твою власть и твою дочь, так и для людей будет лучше. Если тебе это не нравится, то я убью тебя, а Хуннвёр возьму в наложницы».

Дальше рассказывалось, как стали искать кого-нибудь, кто мог бы выйти на поединок с Хареком вместо старого конунга и спасти его дочь от этого брака. Нашелся лишь один молодой человек, всего пятнадцати лет, сын старика и старухи, живущих на уединенном острове, и Хуннвёр пообещала выйти за него, если он избавит ее от Харека.

– Вот видите, так бывает! – говорила Снефрид. – А иные люди так прославились подвигами в чужой стране, даже и в Грикланде, что сам кейсар посадил их рядом с собой.

– Как видишь, обычно этот отважный витязь женится на дочери дряхлого конунга, – замечал Асбранд.

– А что если у него дома была жена?

– В таком случае, не очень-то красиво он с нею обошелся, вот что я скажу! – сурово заметила Мьёлль.

– Так это же был парень пятнадцати лет, – заметил работник, Коль, который лежал, завернувшись в старый прожженный плащ, возле самого очага. – Это был очень ловкий парень, если успел жениться к пятнадцати годам.

– Ульвар не такой, – уверенно сказала Снефрид. – Он не променяет меня даже на дочь конунга!

– Значит, он не сможет унаследовать половину чьей-нибудь страны и когда-нибудь вернется.

– Он всегда был любимцем норн, – вздохнул Асбранд. – Нам надо верить, что они и сейчас его не покинули.

Снефрид легко представляла Ульвара героем подобной саги. Он достаточно хорош собой, чтобы понравиться даже дочери конунга: яркие серые глаза, правильные черты, русая борода, немного выющиеся волосы. Рослый, плечистый, оживленный и приветливый, он с первого взгляда нравился всем и легко приобретал друзей везде, куда ему случалось попасть. Как Снефрид понимала сейчас, его внешность и веселые повадки в немалой мере повлияли на ее решение выйти за него замуж; в пятнадцать-шестнадцать лет только сама Фригт смогла бы пренебречь этим и заглянуть в человека поглубже. Его легкомыслие, слабование, привычка излишне полагаться на доброту судьбы, не заботясь о себе, не бросались в глаза юной девушке так ясно,

как потом стали очевидны жене. Благодаря этой же вере Ульвар был деятелен и храбр, поэтому не стоило удивляться, что однажды он ввязался в приключение, выбраться из которого благополучно у него не хватило сил.

– Хотела бы я знать, что же все-таки с ним случилось! – вырвалось у Снефрид, погруженной в эти мысли, пока взгляд ее не отрывался от янтарного грузика на нижнем конце веретена.

«Янтарь – это слезы самой Фрейи, – когда-то давно рассказывала Снефрид мать. – Она роняла их, пока ходила по миру, отыскивая Ода, своего мужа. Они падали в море и мерцали там огненным светом, отмечая ее путь. А путь ее лежал в самые дальние, самые темные области мира – в Нифльхель, где сидела огромная уродливая великанша, что пленила Ода и погрузила его в глубокий сон»...

А что если с Ульваром случилось что-то подобное? Когда прядешь, мысли бегут, как по нити, в неведомые дали; в один день Снефрид мысленно видела Ульвара сидящим в какой-то роскошной, убранной золотом палате рядом с девой в золотом платье; в другой вечер он уже виделся ей спящим где-то на дне мрачайшего ущелья в черных скалах, а вместо дочери кейсара его сторожила старая троллиха с огромным носом и торчащими из пасти кривыми зубами... Снефрид чувствовала легкое беспокойство: если так, то никто Ульвара оттуда не спасет, кроме нее. Так водится, что плененного и очарованного спасает тот, кто предназначен ему в пару: девушку – мужчина, как Сигурд спас Брюнхильд, а мужчину – его жена или невеста. Думая о странствиях Фрейи, Снефрид саму себя видела идущей по багряно-золотым облакам над спокойным морем, и в следах ее горели искры янтарных слез...

* * *

Дней через десять после йоля в Оленьих Полянах снова объявился Оттар Сыворотка, и его честное лицо выглядело озабоченным.

– Мне передали, что Фридлейв хёвдинг приглашает вас обоих к себе, – сообщил он вышедшему ему навстречу Асбранду. – Тебя и Снефрид. – И не успел Асбранд выразить удивление этому неурочному приглашению, как Оттар пояснил: – Есть кое-какие новости об Ульваре.

Асбранд провел его в дом, к очагу, и к ним вышла из женского покоя Снефрид.

– Фридлейв передал, что имеет некие новые сведения об Ульваре, – повторил для нее Оттар. – Я не знаю, в чем там суть, и не могу вам сказать. Но если вы соберетесь в дорогу сейчас, то я поеду с вами.

– Это... хорошие новости? – на всякий случай спросила Снефрид.

– Ммм... не знаю, – явным сомнением ответил Оттар. – Мне только передали... Ох, я забыл самое важное! Прибыл Олав ярл с дружиной. А с ним – Фроди и Кальв. Думаю, это все идет от них.

– Уж от этих двоих нам едва ли стоит ждать добра!

– Вы поедете?

– Конечно, мы поедем! Присядь, мы сейчас соберемся.

Отец стал отдавать распоряжения Мьёлль, Колю и Барди, их второму работнику, Снефрид ушла переодеваться. Пока она рылась в ларе с цветной одеждой, у нее дрожали руки, в мыслях мелькали все ее домыслы: Ульвар в золотой палате, Ульвар в черном ущелье... Неужели уже сегодня, после двух с лишним лет неизвестности, она узнает, где же он на самом деле!

Бьёрн конунг, слишком старый для путешествий, сам не ездил по пирам уже лет двадцать, и Снефрид никогда его не видела. Вместо Бьёрна каждую зиму дружину возил по стране его единственный ныне живой сын, Олав ярл. Олаву самому было уже около пятидесяти; каждую зиму после встречи возникали разговоры: мол, ему, должно быть, давно надоело ждать, когда отец пересядет на погребальный стул и освободит престол. Другие говорили, Олав, должно

быть, почитает себя счастливым, что не разделил судьбу своих родичей, братьев и племянников, которые один за другим гибли в молодых годах, чтобы старый Бьёрн мог добавить их недожитую жизнь к своей. Снефрид вспоминала об этом, пока они втроем ехали к большой усадьбе Лебяжий Камень; заодно ей приходили на память речи Хравнхильд, и делалось неуютно. У Олава имелся сын Бьёрн; они двое да еще Эйрик с его младшим братом, которых старый Бьёрн не признавал, составляли круг его наследников. И если бы она, Снефрид, поддавалась на уговоры тетки и взяла в свои руки жизненную нить Эйрика, это поставило бы ее в положение врага и Бьёрна конунга, и его сына Олава, которого ей сейчас предстоит увидеть.

Как будто ей своих забот мало!

До усадьбы Лебяжий Камень было больше трех роздыхов, и добирались около половины дня. По пути остановились погреться и покормить лошадей в усадьбе Искристый Ручей.

Усадьба Фридлейва лежала в долине, холмами защищенная от ветра с севера. Издали большой хозяйский дом напоминал перевернутую лодку – видно, ту самую, с которой Тор ловил в море Змея Мидгард. Немного выпуклая крыша из серой дранки, низко нахлобученная на стены из поперечно уложенных бревен, походила на шкуру того самого змея. В разные стороны от просторного теплого покоя отходили более узкие пристройки разного назначения. В последние дни было тепло и снег весь сошел; вокруг дома по долине бродило множество лошадей, на которых приехал Олав с дружиной. Он возил с собой по сорок человек и в каждом корабельном округе останавливался на три дня; в эти дни местный хёвдинг обязан был кормить его людей и поить пивом. Конечно, ни один самый богатый хозяин таких расходов бы не выдержал, и на это кормление Фридлейв после сбора урожая брал подадь со всех жителей своего округа: соленую и вяленую рыбу, скот, медом, ячмень и рожь для пива и хлеба.

Асбранд и Оттар с трудом отыскивали свободное местечко на длинной коновязи, идущей вдоль всего дома: повидаться с сыном конунга съехалось немало народа. Женщин на эти пиры не приглашали, и на Снефрид, одетую в ее лучшее цветное платье, косились с любопытством и пониманием. Всем было ясно, зачем она здесь. Снефрид и жаждала, чтобы кто-то поскорее поведал ей новости, и боялась этого.

– Ступайте в дом, хёвдинг и Олав ярл сейчас там, – сказал им здешний управитель, Сальгард. – И с ними еще кое-кто из ваших давних знакомых!

Его ухмылка ничего хорошего не сулила. Попросив отца подождать ее, Снефрид обошла дом и зашла со стороны женского покоя – эта пристройка имела отдельную дверь. Фридлейв давно овдовел, и хозяйство в доме вела его старшая сестра Тордис, тоже вдова – особа рослая, полная, с уверенными и властными замашками. Взгляд у нее был такой, будто она не видит даже того человека, к которому обращается. Ульвар когда-то прозвал ее Тордис Корабельная Корма – намекая на изрядную ширину в нижней части.

Войдя, Снефрид окинула взглядом покой: служанки Тордис были заняты у нескольких больших котлов, готовя еду к вечернему пиру. Она сняла грубый плащ, в дороге защищавший ее от дождя и ветра, надела привезенную с собой желтую накидку, обшитую тканой шелковой тесьмой. Платье на ней было песочного цвета, хангерок поверх него – буро-красный, а шерстяной чепчик – травянисто-зеленый, обшитый плетеным цветным шнуром. В таком наряде Снефрид не сомневалась, что может смело предстать даже перед сыном конунга, вот только бы согреться немного, чтобы румянец ушел с кончика озябшего носа и остался только на щеках. Подойдя к очагу, она поздоровалась с женщинами и протянула руки к огню.

– Вот и ты! – перед нею появилась Тордис, уперев руки в необъятные бока. – Да, помню, вчера за тобою посылали.

– Привет и здоровья тебе, госпожа Тордис, – Снефрид улыбнулась ей, как улыбалась женщинам – широко, показывая отсутствие задних мыслей. – У вас все здоровы? Должно быть, прием стольких гостей причиняет тебе немало хлопот.

– Да я со своими хлопотами уж как-нибудь справлюсь. Вот поглядишь иной раз и подумаешь: спасибо добрым дисам, что мой Торве честно умер от горячки и погребен на Корабельном Поле, и никаких вестей от него мне ждать уже не нужно, и он не испортит мне жизнь, внезапно явившись из Хель!

– Но зачем же отчаиваться, он ведь умер всего девять лет назад! – вырвалось у Снефрид раньше, чем она успела подумать.

К счастью, Тордис не отличалась быстротой соображения, и, поглощенная своей мыслью, вообще ее не услышала.

– Ступай! – Она показала на дверь в другом конце женского покоя, которая вела прямо в большую палату. – Они все там.

Учтиво кивнув ей, Снефрид прошла через женский покой, мимо длинного очага, где висели три больших котла, нескольких ткацких станков, мимо множества любопытных взглядов. Едва она отворила дверь, как на нее обрушился гул голосов. В теплом покое было так много людей, что ей пришлось взобраться на спальный помост и помахать рукой, чтобы отец и Отгар, стоявшие ближе к другой двери, ее заметили. Величиной дом Фридлейва уступал, может, только хорам самого конунга; в длину теплый покой имел шагов шестьдесят, а в ширину – не меньше двадцати. Высокую кровлю, куда уходил дым с трех длинных очагов, подпирали могучие резные столбы, на стенах висели тканые ковры, разноцветные круглые щиты и звериные шкуры. Вдоль всех стен тянулись широкие спальные помосты, перед ними стояли столы, а с внешней стороны – скамьи. Сейчас, пока ужинать еще не пришло время, на столах были только зажженные глиняные светильники в виде чаши, где фитиль плавал в китовом или тюленьем жире. На столбах, в железных подставках, горели факелы. Люди Олава частью лежали на помостах, частью сидели у столов и играли в кости или просто разговаривали. Когда Снефрид – красивая молодая женщина в ярком дорогом наряде, – шла через длинный покой, чтобы подойти к отцу, десятки голов поворачивались к ней, десятки глаз устремлялись следом.

Ближе к середине покоя на помосте сидел конунгов скальд, судя по лире в руках – довольно молодой человек с пышными, волной стоящими надо лбом русыми волосами и русой, с рыжеватыми проблесками бородой. Перебирая струны, из извлекал из лиры довольно нестройные звуки, видимо, думая о чем-то своем. Заметив любопытный взгляд Снефрид, сперва широко раскрыл глаза от удивления перед таким чудом, потом подмигнул ей.

В середине покоя было устроено на возвышении место для хозяина, двойной ширины, чтобы могла сесть хозяйка или почетный гость. Когда подавали еду, перед ним ставили особый небольшой стол на высоких опорах. Сейчас там сидели, лицом друг к другу, двое: Фридлейв хёвдинг и Олав ярл. Фридлейв – плотный, полноватый мужчина лет сорока пяти, с круглым лицом и густой рыжеватой бородой, – держал в руке рог для пива и напряженно вслушивался в речь собеседника – тот говорил негромко и даже вяло, мало заботясь, услышат ли его среди шума. Однако при виде Снефрид оба забыли о беседе и проводили ее заблестевшими глазами.

На середине покоя Снефрид встретила с отцом; Асбранд тоже снял дорожный плащ и наскоро расчесал свою длинную светлую бороду. Управитель сообщил о них хозяину, и гостей пригласили подойти.

Олав – Снефрид несколько раз видела его и до этого, – был человеком среднего роста и грозным воином не выглядел. Полуседые волосы спускались до плеч, но от лба по бокам попятись до самой середины маковки, сумев оборонить от зубов времени лишь клин в самой середине. Усы его оставались еще довольно темными, но борода почти побелела; густые, косматые, прямо прочерченные брови сделались серыми. Широкий нос и довольно полные губы придавали Олаву властный вид, чему противоречил довольно вялый взгляд карих глаз. Зато богатством платья он, как положено такому человеку, выделялся даже в огромном покое: кафтан красной шерсти, с нашитыми поперек груди тонкими полосками узорного сине-зеленого шелка с серебряной тесьмой поверх них, а под кафтаном зеленая рубаха, обшитая по краям

другим шелком, синим. На груди блестел узорный «молот Тора» на толстой цепи. Положение сына конунга приучило Олава держаться властно, однако по мягкому выражению лица, когда он за ним не следил, было видно, что строгость дается ему не без усилий и что обязанности своего положения он находит довольно обременительными.

– А, это та самая женщина, – негромко произнес он, глядя на Снефрид вполне дружелюбно. – С какими-то особенными глазами... Тут кое-какие люди хотят видеть тебя... Привет и здоровья тебе, Асбранд. – С Асбрандом Олав был знаком и раньше.

«Кое-какие» люди оказались теми, кого Снефрид и ожидала: Фроди и Кальв. Фроди имел виноватый вид, а Кальв – решительный и боевой. Кальв был моложе своего товарища – лет тридцати. Если Фроди напоминал тюленя, то Кальва Ульвар когда-то сравнивал с башмаком, который сушили слишком близко к огню и пересушили. У него было продолговатое, узкое лицо, немного сдавленное у висков, темные волосы мыском, небольшая, тоже острая бородка, длинный нос с острой горбинкой, ранние морщины на сухом смугловатом лице. Взгляд его близко поставленных серых глаз, пристальный и суровый, придавал ему настырный вид.

– Да, Олав ярл, на этих людей мы в присутствии Фридлейва хёвдинг приносим жалобу... – живо начал Кальв, но Олав замахал рукой, вынуждая замолчать:

– Не приносим! Не приносим! Я же сказал – жалобу не приму! Такие дела разбираются... э, весной, на тинге в Уппсале, а к тому же здесь... э, недостает свидетелей, так что по закону тут ничего не выйдет.

– Но мы вправе потребовать нового разбора дела, раз уж открылось кое-что новое.

– Кальв, не будешь ли ты так добр рассказать нам, что новое вам открылось? – обратился к нему Асбранд.

Асбранд с молодости был хорош собой, хоть и невысок ростом; наполовину поседевший, в вышитой желтой рубаше он выглядел очень хорошо, лицо его дышало умом и достоинством. Даже Кальв немного присмирел, вынужденный обращаться прямо к нему.

– На йольском пиру у конунга мы встретили одного человека... за ним послали, он сейчас подойдет.

– Чтобы не отнимать зря время у Олава ярла, поведай нам, что он вам сообщил.

Олав благосклонно кивнул: он сидел, сложив руки на коленях и привычно готовый выслушивать долгие споры.

– Этот человек, его зовут Гаут, он ездит с товарами в Дорестад и Хедебю. Этим летом он был в Хедебю и там на торгу увидел одного раба, который показался ему знакомым...

У Снефрид оборвалось сердце при этих словах. Хоть люди и говорили, что видели Ульвара живым и на свободе, но это было больше двух лет назад! Она уже почти услышала, как голос Кальва произнесет «в этом человеке Гаут признал Ульвара сына Гуннара», и пол качнулся под ногами.

– Тот человек был Траин, и его захватили в плен викинги под предводительством Эйрика Берсерка...

При этих словах Кальв покосился на Олава – речь шла о родном племяннике ярла, – но тот продолжал благодушно кивать.

– Вместе с другими людьми и еще тремя кораблями, – продолжал Кальв. – Траин плыл на корабле под названием «Куница», стюриманом там был Хромунд, и на нем везли свой товар торговые люди, в том числе и Ульвар сын Гуннара...

В это время к ним подошел еще один человек: средних лет, с круглым, довольно приятным лицом и длинными светлыми волосами, забранными в хвост.

– Вот он, Гаут! – обрадовался Кальв. – Я еще не успел рассказать самого главного, скажи этим людям, что ты знаешь о товаре Ульвара сына Гуннара?

– О товаре...

Гаут, заранее зная, что его спросят об этом, повернулся с полной готовностью говорить, но наткнулся взглядом на лицо Снефрид и замолк.

В полутьме покоя, освещенного огнем очага, он не мог рассмотреть цвет ее глаз, но ее лицо, с его правильными жесткими чертами, ее пристальный взгляд, наводящий на мысль об остром клинке, смутили его, как будто он неожиданно для себя оказался перед таким собеседником, чье присутствие намного повысило значимость беседы.

– Что тебе известно о товаре моего мужа? – Снефрид переменила выражение лица на невинное, уголки ее ярких губ чуть приподнялись.

Но и это не ободрило Гаута, а смутило еще сильнее. Он знал, что ему предстоит увидеть жену Ульвара, но ему не сказали, что он окажется перед лицом женщины, прекрасной и уверенной, как молодая богиня Фригг.

– Мне известно... Траин рассказал, – начал он, и его лицо приняло виноватое выражение, – что весь товар Ульвара был сгружен с корабля еще до того, как корабль покинул Готланд. Перед этим Ульвара видели на гостинице, игравшим в кости с одним человеком из Хедебю, и вроде бы дела его шли неважно. Говорят, что оба они были порядком пьяны. Поэтому, когда с корабля сгрузили товар Ульвара, все сразу подумали, что он проиграл этот товар.

– Вот! – с торжеством воскликнул Кальв. – Никто его не грабил! Никакие викинги! У него уже не было нашего товара, когда им повстречались викинги! А раз он сам проиграл наш товар, то по закону обязан вернуть нам его полную стоимость вместе с той прибылью, которую мы должны были за него выручить в Дорестаде!

Снефрид сохраняла на губах ту же легкую улыбку, но взгляд ее стал жестким, а сердце покатило куда-то в глубину.

– Постойте! – Асбранд шагнул вперед. – Ты, Гаут, передаешь нам то, что узнал от Траина, так? А где сам Траин?

– Где-то там, в Дорестаде.

– Значит, единственный свидетель того, что товар Ульвара сгрузили с корабля, – раб, находящийся в Дорестаде?

– Поэтому я сразу сказал, что жалобу не приму, – негромко заметил Олав; теперь Снефрид разобрала, что он слегка пришепetyвает, возможно, поэтому и привык говорить так тихо. – По закону такую жалобу нельзя рассматривать.

– Но если мы знаем, что товар сгрузили вовсе не там, где его должны были продать, это значит, что Ульвар его проиграл!

– Слова раба не считаются доказательством, так что ничего такого мы не знаем, – возразил Асбранд. – А к тому же Ульвар мог продать товар другому покупателю по более выгодной цене. Товар ваш ведь не был заказан кем-то в Хедебю? Значит, ничто не мешало продать его ближе к дому, если дадут подходящую цену.

– Но люди видели, как Ульвар играл в кости и имел огорченный вид!

– Это тоже видел Траин? – Асбранд повернулся к Гауту.

– Н-нет, – тот бросил смущенный взгляд на Снефрид, и она подбадривающе улыбнулась ему, но тем лишь увеличила его смущение. – Это ему рассказывали другие... кто видел ту игру.

– А свидетели игры неизвестны нам даже по именам, так?

– Асбранд, эти уловки вам не помогут! – воскликнул Кальв. – Теперь мы напали на след своих денег, и не беспокойся, мы его не потеряем! Летом, едва сойдет лед, я сам поплыву на Готланд, я найду свидетелей. Такое дело, чтобы человек проиграл пушнину стоимостью в две с лишним сотни серебра, не могло пройти незамеченным. Если спросить у людей, люди вспомнят! Я найду того человека из Хедебю, кто выиграл наш товар. Даже если мне придется ехать в Хедебю. И когда я его найду и привезу к конунгу, конунг рассмотрит нашу жалобу и вынесет справедливый приговор в нашу пользу!

Асбранд слегка переменился в лице: утешаться пока можно было только тем, что все это лишь замыслы.

– Если все это удастся осуществить, – так же негромко поддержал его опасения Олав, – то, э... конунг вынесет решение в их пользу. Поэтому я бы вам советовал... э, если можно, порешить дело миром.

– Пока что, Олав ярл, не доказано даже то, что товар был проигран, – напомнил Асбранд, – а не продан.

– А если он продан – где деньги? – впервые вступил в беседу Фроди.

– Да, где деньги? Где наши двести тридцать два эйрира, да сверх того прибыль?

– Что если они были на корабле? – предположил Асбранд. – Ульвара мог иметь причины послать прибыль домой, а сам остаться.

– Да что ты нам «лживые саги» плетешь? – возмутился Кальв. – Какая у него могла быть на это причина?

– Откуда мне знать? Но ты не докажешь, что ее не было, пока не найдешь свидетелей иного. Свободных свидетелей и находящихся здесь, а не в Хедебю.

– И это верно, – согласился Олав.

Вид у него был не то чтобы скучающий, – почти все время он рассматривал Снефрид и находил это зрелище весьма приятным, – но равнодушный. За последние лет тридцать он выслушал столько споров из-за разного имущества, наследства, долгов, обвинений во вредоносном колдовстве и посягательстве на честь, даже в убийствах и насыле ходячих мертвецов, что его уже никакие чужие дела не могли взволновать и он заботился только том, чтобы не навлечь на себя упрека в несправедливости.

– Как все мы видим, пока нельзя принять по этому делу никакого решения, – привычно продолжал он, – но я бы вам всем советовал подумать... э, к чему все это может вас привести.

– Пусть они вызовут друг друга на поединок! – предложил некий намного более оживленный голос.

Обернувшись, Снефрид увидела скальда.

– Если эти говорят, что товар проигран, а эти – что нет, то пусть эти зовут тех «на остров», – продолжал он, тыча пальцами в тяжущиеся стороны. Говорил он торопливо, с таким видом, что его где-то ждет важное дело, но он не смог пройти мимо. – Вот этот бородач уже немного староват, но они с женщиной могут выставить бойца. А женщина красивая, так что бойцы найдутся. И я вам бы советовал подумать, – сурово предостерег он Кальва, – охота ли терять голову ради пары сотен эйриров! Ведь условия могу быть определены жесткие, и я прошлой зимой видел, как одному на судебном поединке голову срубили напрочь! – Он резко взмахнул рукой, показывая рубящий удар.

– Бьёрн, успокойся, – ответил ему Олав. – Если ты, сделавшись конунгом, будешь так разбирать тяжбы, то отрубленные головы будут устилать твой путь, как... э, галька морской берег.

Снефрид изумленно раскрыла глаза. Так это не просто какой-то Бьёрн, балующийся игрой на лире, а сын Олава и внук Бьёрна конунга?

– Я никогда не стану конунгом, – с грустной обреченностью заявил молодой Бьёрн. – Ты знаешь почему.

И пошел прочь, сгорбившись будто от горя, но перед этим оглянулся и тайком подмигнул Снефрид. Она опустила углы рта, чтобы сдержать неуместную улыбку.

– Ну вот! – подал голос Фридлейв и, опершись на свои толстые колени, наклонился вперед, немного нависая над спорщиками. – Способов решить дело хватит, но не здесь у меня. Пока садись за стол, Асбранд, сейчас подадут ужин. Вы же не поедете домой на ночь глядя, придется вам здесь переночевать.

Пока Асбранд благодарил его за гостеприимство, Снефрид кивнула и направилась к женскому покою.

* * *

Сегодня Снефрид больше не собиралась показываться на люди, но, когда в большой палате уже вовсю раздавались звуки пира, служанка госпожи Тордис подошла к ней и потыкала пальцем в дверь:

– Там один человек хочет тебя видеть.

Снефрид встала. На уме у нее почему-то был молодой Бьёрн, хотя какое дело он мог бы к ней иметь?

И впрямь – никакого. Оказавшись в теплом покое, Снефрид увидела, что возле двери мнется знакомая туша Фроди.

– Снефрид, послушай меня... послушай! – Он даже было хотел взять ее за локоть, но она отстранилась, и он знаком предложил ей отойти от двери к краю спального помоста, где было свободно.

Снефрид выжидательно посмотрела на него. В относительной тишине женского покоя она обдумала услышанное и должна была признать, что дело их довольно худо.

– Кальв никак не может успокоиться! – Фроди горестно развел руками. – И где он только выкопал этого Гаута! Теперь приходится начинать все с начала, а я уж сам был бы рад забыть это дело! Пропали у меня сто шестнадцать эйриров, да еще прибыль, но что же, я голодным не останусь! Пропали так пропали!

– На разъезды и поиски по всем викам у вас уйдет не меньше этого, – заметила Снефрид. – А если окажется, что никаких свидетелей нет в живых, то все будет напрасно.

– Я сам того же мнения! Мы с тобой прямо как думаем одной и той же головой, одной и той же. Не отчаивайся, Снефрид. Мы все это уладим. Я предлагаю тебе вот что, – Фроди опять хотел взять ее за локоть, но она попятилась, и он наклонился к ней. – Есть хороший выход. Твой муж все равно никогда не вернется. Если ты выйдешь за меня, я засчитаю твое приданое, сколько уж его будет, в счет того долга, а с Кальвом я сам все улажу. Положись на меня, и больше тебе никогда не придется об этом слышать, больше никогда.

Снефрид застыла. Но потрясло ее вовсе не само это сватовство, которое одни сочли бы великодушным, а другие – наглым, глядя по тому, кому предрекают конечный успех в споре. «Еще до йоля он посватается к тебе», – сказала ей Хравнхильд. Тетка немного ошиблась в сроке, но суть дела предрекла верно.

Так неужели и прочие ее пророчества так же верны?

– Разве вы не слышали, – Снефрид приняла надменный вид, – что Ульвар за эти годы стал в Грикланде начальником стражи самого кейсара?

Будто какой-то мелкий тролль дернул ее за язык. Она уже приготовилась рассказывать о пророчестве Хравнхильд, но, к ее удивлению, Фроди кивнул:

– Да, это нам известно. Это уже все знают. Что ж, хорошо, если у человека большая удача, но вам здесь от нее пока мало толку. Если он так выдвинулся в Миклагарде, зачем ему возвращаться сюда? Уж верно, у него там есть другая жена, из семьи какого-нибудь вестиря... рия... или архонта. Какая-нибудь знатная гречанка, вся в золоте... Мы же знаем, как делаются такие дела!

– А что если нет? – Снефрид прищурилась, и ее взгляд приобрел остроту клинка. – Он добыл это место подвигами, и однажды он придет за мной? Ссориться с таким человеком и пытаться увести у него жену – неразумно. А если он вызовет тебя на поединок – что ты будешь делать? Сам внук Бьёрна конунга только сегодня подтвердил, что на таких поединках одним ударом головы сносят с плеч!

– Ульвару ничего такого не удастся! – Хоть ее слова и произвели впечатление, Фроди старался не поддаваться страху и начал злиться. – Та беда, что с ним случилась, говорит о весьма малой удаче!

– Он всегда был любимцем норн! Когда он родился, три вещие жены пришли к нему и поцеловали его, он сам это помнит! Ему нужен был только случай проявить себя, и он его получил! Еще когда он только сватался ко мне, я тоже сомневалась, довольно ли у него удачи, и он предложил мне бросить кости. Я сказала: у кого окажется больше удачи, тому и решать, быть ли этому браку. Хочешь попробовать?

Мелкий тролль на языке все не унимался. Снефрид сама испугалась того, что сказала, но не сдавать же назад! Еще пока ошарашенный Фроди пытался уразуметь суть ее предложения, она поманила его за собой к столу, где с краю люди Олава играли в кости.

– Добрые люди! – Снефрид обольстительно улыбнулась им, но они и до того не сводили с нее глаз, привлеченные важной беседой, которую толстяк Фроди вел с такой красивой женщиной, явно пытаясь чего-то от нее добиться. – Не одолжите ли нам эти кости совсем ненадолго? Только на два броска! Нам нужно разрешить важный спор. Если хотите, это будет наш поединок, а вы будете свидетелями!

– Конечно, – рядом возник Бьёрн Молодой, который, оказывается, уже какое-то время прислушивался к их беседе. – Берг, дай женщине кости!

Удивленно переглядываясь, играющие собрали кости и придвинули по столу к Снефрид.

– Давай, Фроди, ты первый! Спроси у норн, желают ли они даровать тебе удачу, и бросай!

Фроди, немного ободренный вниманием, собрал кости и кинул в небольшой черный рог. Снефрид следила за ним, улыбаясь невинно и насмешливо, и эта улыбка пронзала души насквозь. Она сама была той норной, которая явно не считала Фроди настолько привлекательным, чтобы его целовать.

Кости покатались по столу, головы склонились над ними.

– Три! – объявил Бьёрн Молодой, разогнулся и хлопнул Фроди по плечу. – Пока небогато, приятель!

Снефрид подошла к столу вплотную и собрала кости. Пламя светильника ярко освещало ее тонкие руки, и люди не сводили с них глаз, будто решалась судьба каждого. Она кинула кости в рог, небрежно встряхнула его и выбросила их на стол.

Двое или трое чуть не сшиблись лбами, стремясь скорее увидеть метки.

– Пять! – ликующе воскликнул Бьёрн. – Ага!

– Видишь, Фроди! – Снефрид положила рог на стол. – У тебя маловато удачи, чтобы тягаться со мной. И лучше вам сразу оставить это дело, пока вы не навлекли на себя позор и беду!

Фроди тяжело дышал, даже оперся рукой о стол. Потом поднял глаза на Снефрид, и в них больше не было льстивого дружелюбия.

– В семье вашей все – ведьмы, – пробормотал он. – Гуннхильд сколько раз это говорила. И бабка твоя, и мать, и тетка... По глазам видно – и ты!

– Ну так что же ты не прислушался к этой мудрой женщине? – Снефрид уверенно встретила его досадливый взгляд. – А еще камень ей поставил!

Улыбнувшись игрокам и кивнув Бьёрну, она развернулась и направилась в женский покой.

– Удача удачей! – крикнул Фроди ей вслед. – А деньги деньгами! И посмотрим, как все будет, когда мы найдем свидетелей!

Глава 3

– Главная наша надежда в том, что они не найдут свидетелей, – сказал Асбранд, когда они со Снефрид наконец вернулись домой и избавились от чужих ушей. – За три года люди могли умереть, кто-то мог уехать – Кальву придется погоняться за этим счастливецом из Хедебю в Каупанг или еще куда-нибудь, а на это уйдет не одно лето.

Саму суть обвинения – мог ли Ульвар проиграть товара на три сотни серебра – Асбранд и Снефрид даже не обсуждали. Мог. Оба они знали, что проигрыш куда более вероятен, чем то, что Ульвар нашел выгодного покупателя и продал пушнину раньше намеченного.

– У меня осталось ровно сто шестьдесят эйриров, – говорила отцу Снефрид, – от продажи хутора. А нужно двести тридцать два. Еще семьдесят два надо где-то взять. Мои украшения на столько не потянут.

– Если ты сама не захочешь отдать, по суду им до твоего имущества не добраться, и до моего добра тоже. Но если Фроди и Кальв сумеют найти надежных свидетелей, если какой-нибудь торговый человек даст клятву на кольце, именами «Фрейра, Ньёрда и всемогущего аса», что выиграл у Ульвара ту самую пушнину, нам с тобой придется выбирать: либо продать что-то из скота и дорогих вещей, чтобы расплатиться, либо смириться, что Ульвара приговорят к изгнанию и он не сможет вернуться.

Снефрид молчала. Пожертвовать мужем было бы некрасиво. Но умно ли будет разорить себя ради доброго имени человека, который, быть может, никогда не вернется в родные края?

– Ты говорила, что он нажил большое богатство где-то в Грикланде? – вспомнил Асбранд. – Что Хравнхильд это предрекла?

– Хравнхильд сказала, что мы здесь никогда его больше не увидим, – тихо призналась Снефрид. – Ни-ко-гда.

Они еще помолчали. Им не требовалось обсуждать положение дел, чтобы понять: если они смирятся с бесчестьем и изгнанием Ульвара, тень бесчестья упадет и на них. Чтобы от него избавиться, Снефрид будет лучше порвать с беглым мужем, поскорее снова выйдя замуж.

– Так понадобится ли ему доброе имя в наших краях? – через какое-то время сказал Асбранд. – Стоит ли нам бояться, что ему присудят изгнание, если он уже сам себя изгнал?

– А удача? Обесчещенным удачи не будет – ни Ульвару, ни нам.

Вспоминая, как бросала кости с Фроди, Снефрид вспомнила и тот далекий-далекий день, когда она, десятилетняя, бросала кости с Ульваром. Она обманула Фроди, сказав, что в тот раз Ульвар ее обыграл. На деле это она его обыграла, за что он и провез ее на спине до самого выгона, где стоит поминальный камень Асбранда Снежного. Значит, у нее удачи больше. И сейчас Снефрид впервые задала себе вопрос: не ошиблась ли она, выйдя замуж за человека, чья удача слабее?

Но в сердце зашевелилась жалость. Она не сердилась на Ульвара, даже веря, что он и правда проиграл товар и навлек на них эти неприятности. Он всегда был таким – верящим в то, что норны его любят и не дадут в обиду. За эту преданную веру Девы Источника и правда могли бы быть к нему добрее! Если они с отцом откажутся выплатить всю сумму долга, она никогда больше не увидит мужа. Весь корабельный округ отнесется с одобрением к ее новому браку, с человеком понадежнее. Но что-то в ней противилось мысли порвать с Ульваром. В юности она любила его такого, какой он есть – именно такого, за какого она выходила замуж. Снефрид ведь и тогда понимала его нрав, только, по слабости жизненного опыта, не могла предвидеть, к чему это может их привести. Он никогда и ни в чем ее не упрекал, не перечил, принимал любое ее решение и всегда считал, что она всякое дело делает наилучшим образом. И даже если она и правда делала все наилучшим образом – многих жен, мужей, дочерей и сестер это не спасает от попреков. Любила ли она его сейчас? В первый год она по нему скучала, а потом

привыкла жить без мужа. Если подумать, его отсутствие не причиняло ей иных страданий, кроме тревоги за его и свою участь. Но Ульвар всегда был на ее стороне, и она чувствовала, что ее долг – остаться на его стороне.

Но если он никогда не вернется, этим решением она погубит себя, а ему вовсе не поможет. Он даже *не знает* о том, что и это дело она выполнила наилучшим образом. Останется надежда лишь на то, что благое решение поможет их общей удаче и принесет счастье, пусть даже они больше никогда не увидят друг друга...

– Знаешь что, Снеф... – Голос отца прервал ее раздумья. – Пожалуй, схожу-ка я за советом к старому Хравну, твоему деду.

От этих слов в теплом покое повеяло могильным холодом.

– Ты думаешь... нужно? – Снефрид повернулась к Асбранду и широко раскрыла глаза. – И прямо сейчас?

– Если уж нам приходится выбирать между двумя бедами... стоит хотя бы попытаться выяснить, а нужно ли выбирать. Может, Кальв еще никого не найдет и ничего не докажет. Этой весной точно ничего не решится, может, только следующей. Но если норн приговор для нас неблагоприятен, об этом стоит знать заранее.

– Но сейчас, зимой! Это будет для тебя слишком опасно. Может, подождать до Середины Лета? Ведь время у нас еще есть.

– Я хорошо подготовлюсь. И я как раз хочу узнать – *есть ли* у нас время.

* * *

Хравн, отец Хравнхильд и Виглинд, умер, когда Снефрид было два года от роду. Ей казалось, она однажды его видела, когда Виглинд привозила ее в Каменистое Озеро, но со временем она начала сомневаться, что старик с длинной седой бородой и лохматыми черными бровями, который предстал сидящим у очага в полутьме и дал маленькой девочке подержать странную палочку из бронзы, на самом деле был ее родной дед, живой человек – он больше походил на духа, способного принимать облик ворона или человека. В округе его считали колдуном, большим умельцем наводить проклятья, и сторонились. Тоже со временем Снефрид начала удивляться, как у ее отца хватило духу жениться на дочери такого человека. Отец немного рассказывал ей, что когда ему было лет шестнадцать-семнадцать, он порой наезжал к Хравну, чтобы поучиться резать сильные руны, и там познакомился с обеими его дочерьми. Но если старшая дочь, Хравнхильд, охотно перенимала все, чему отец – да и мать, – могли ее научить, то Виглинд избегала этих дел и стремилась уйти из дому, где витало слишком много колдовства и слишком часто гостили духи. Она рассказывала Снефрид сказки о том, как некий человек забрался в дремучий лес, чтобы попросить колдуна о помощи, как тот задавал ему опасные задания, но тот все преодолел благодаря помощи прекрасной дочери колдуна, которую потом похитил. Когда мать уже умерла, Снефрид стала думать, что в этих сказках было что-то из жизни самой Виглинд. После замужества та не совсем порвала с родными, – навещала же она сестру и родителей, пока те были живы, – но Асбранд никогда, сколько Снефрид помнила, к ним не ездил и не принимал их у себя, кроме того дня, когда сестра с матерью приезжали помогать Виглинд при родах. Да и то отец, кажется, жалел, что не позвал вместо них каких-нибудь других женщин.

Несклонность Виглинд иметь дело с колдовством в немалой мере повлияло и на желание Снефрид держаться от этих дел подальше. Дед, бабка – жена Хравна пережила его на два года, а эти годы провела в полном молчании, – внушали девочке страх, а теперь, в воспоминаниях, казались скорее выходцами из Утгарда, чем живыми людьми, к тому же связанными с нею близким кровным родством.

Асбранд никогда, сколько Снефрид знала, не пользовался вредоносным колдовством. Знал ли он такие способы – она не спрашивала. Но он владел искусством «лежать на кургане», то есть общаться с мертвыми. Само по себе это действие было трудным и опасным, и ясно было: если уж Асбранд считает нужным незамедлительно к нему прибегнуть, значит, находит их положение угрожающим.

– Может, мне стоит снова съездить к Хравнхильд? – поеживаясь, предложила Снефрид. – Она, конечно, будет торжествовать, что нам понадобилась ее помощь... как она и предсказывала, но, может быть...

«Никто из этих жалких людишек не посмеет больше тебе докучать... Ты станешь могущественной, как королева...» – что-то такое говорила ей тетка минувшей осенью. Но одновременно Снефрид вспомнила и цену, которую придется заплатить за могущество. Из этой реки нельзя черпнуть ковшом ровно столько, сколько тебе нужно, и уйти, не замочив ног. Чтобы получить силу, придется взамен отдать саму себя, погрузиться в эту реку с головой и делать все то, что она потребует. Всю оставшуюся жизнь. Поэтому она малодушно обрадовалась, когда отец покачал головой:

– Хравнхильд уже сказала свое слово. Посмотрим, что скажет старик.

Немного выжав до подходящего дня, Асбранд отправился в путь. С собой он взял свернутую медвежью шкуру и топор. Путь его лежал к Каменистому Озеру – старика и его жену похоронили поблизости от их хутора. Там же виднелись невысокие старые холмики, служившие посмертным домом их предков, но курган Хравна был самым высоким. Асбранд и его работники помогали его возводить, надеясь этим успокоить дух старика и помешать ему тревожить живых.

Когда Асбранд добрался до места, уже темнело. Погода в последние дни стояла теплая для зимы, Каменистое озеро было почти свободно, только у самого берега, среди камней, лежали куски старого белого льда, будто расстеленное полотно, а шагов через десять начиналась чистая вода. На хутор Асбранд заезжать не стал, не имея никакого желания видиться с Хравнхильд.

Курган Хравна стоял посреди широкой поляны, свободный от снега, покрытый блеклой, полусгнившей прошлогодней травой. Привязав лошадь на опушке, в ельнике Асбранд нарубил лапника и устроил из него подстилку на самой вершине кургана.

Взошла луна – полная, одетая желто-красной дымкой. Асбранд улегся на лапник, накрылся медвежьей шкурой, укутался в нее с головой и стал призывать дух Хравна. Через какое-то время сознание поплыло, а потом рот сам собой растянулся в широком зевке – это входил призванный дух. И будто черная бездна властно потянула его к себе – далеко внизу мелькнули заброшенные лица каких-то женщин, и все погасло.

...Очнулся Асбранд от сильной дрожи, сотрясавшей все тело, и с широко раскрытым ртом – только что чужой дух покинул его тело. Закрыв рот, он с трудом сосредоточился. Сел, сбросив край шкуры с головы. Глубоко вдохнул свежий воздух зимней ночи и закашлялся. Луна немного сместилась – уже миновала полночь. Дрожь не проходила. Собравшись с силами, Асбранд поднялся на ноги, кое-как свернул шкуру и направился к своей лошади.

Снефрид не ложилась спать. Вдвоем с Мьёлль они сидели у горящего очага, но не разговаривали, тишину нарушал только храп двоих работников на спальном помосте, и они сразу расслышали стук у ворот.

Асбранд с трудом слез с лошади – Снефрид пришлось его поддержать и помочь войти в дом, пока Мьёлль вводила лошадь в стойло. Держа отца под руку, Снефрид ощущала, что он дрожит. Усадив его у очага, она накрыла его плечи теплой овчиной и подала горшочек с отваром душицы с добавлением меда: она приготовила его заранее и держала возле очага.

– Ничего не говори, – сказала она, с тревогой заметив, как осунулось его лицо. – Это потом. Сначала отдохни.

Асбранд слегка кивнул, грея руки о теплый горшочек. Коснувшись его плеча, Снефрид убедилась, что он все еще дрожит, и ее саму пробрала дрожь. В этой дрожи она ощутила холод оставшейся снаружи ночи – владения дев зимы, рожденных среди ётунов, холод земли, что тянется вглубь до самого Нифльхель. А главное... ей вдруг почудилось, что они здесь не одни. Что здесь не только она, отец и Мьёлль, пришедшая из хлева. Здесь кто-то еще, невидимый и опасный...

Снефрид помогла отцу улечься и накрыла его двумя лишними шкурами. Он заснул, а она не спала еще долго, прислушиваясь к его храпу – он часто прерывался кашлем. Асбранд с молодости хворал грудью – сказывалась каменная пыль, которую он глотал, и многие дни, проводимые за работой под открытым небом в любую пору года. Иногда кашель так его мучил, что он почти задыхался, и с детства Снефрид помнила тревогу матери, что однажды он совсем не сможет дышать и умрет у них на глазах. Еще и поэтому она знала, как опасно ему «сидеть на кургане».

Утром Снефрид проснулась совсем рано и подошла проверить, как отец. Едва коснувшись его лица, в испуге отдернула руку – лоб оказался горяч, как камень очага. Асбранд находился в сознании, но его трясло от лихорадки и он чувствовал большую слабость. Снефрид разожгла огонь посильнее, послала Мьёлль скорее подоить трех коз, принесших козлят осенью и потому доившихся всю зиму. Есть Асбранд совсем не хотел, но удалось напоить его горячим козьим молоком с медом и отваром ивовой коры и шалфея. Искусству применения трав Снефрид охотно училась у Хравнхильд с детства, и каждую весну и лето собирала достаточный запас. От жара помогает отвар побегов и сушеные ягоды малины, липовый цвет, душица, чабрец, цветы бузины, почки смородины – все это у нее имелось, как и кадушка меда. Процеживая отвары через окрашенный в красный цвет лоскут, она шептала:

– Тор, Один и Вёлунд, альвов князь, шли втроем по дороге. Встретили они Турса Длинного, Турса Долгого и с ними третьего – старика Хравна из могилы. «Куда идете?» – спросил их Один. – «В корабельный округ Лебяжьего Камня, на хутор Оленьи Поляны», – отвечают турсы. «Что вам там делать?» – спросил Тор. – «Мы запустим старого Хравна в дом Асбранда Эриля, чтобы он давил ему на грудь, пил его кровь, ломал его кости». – «Нет, я запрещаю вам это, – сказал Вёлунд, князь альвов. – Властью моей я отсылаю старого Хравна обратно под землю, в его могилу, во владения Хель, чтобы он не смел чинить вреда Асбранду Эрилю, моему родичу». «Да будет так!» – сказал Один. «Да будет так!» – сказал Тор. Мертвец мертв и бессилен причинить вред...

Произнося это заклинание, Снефрид так ясно видела каменистую дорогу среди скал, трех богов и трех злыдней, встретившихся в долине, слышала их речи. Вёлунд, князь альвов, был отцом той светловолосой девы, Скульд Серебряный Взор, что однажды провела ночь с Асбрандом Снежным, а через год вручила ему их общего сына; и Асбранд, и Снефрид были потомками того ребенка, а значит, и самого Вёлунда. Знаком того родства были их глаза – светло-серые, серебристого отлива, с легким оттенком лепестка лесной фиалки. Вёлунд не оставит их без помощи, верила Снефрид, и несколько раз в день зывала к нему:

Вёлунд, нам даруй защиту,
Силу дай рукам целящим,
Старый злыдень будет изгнан,
Альвов князь прогонит Хравна.
Асбранд Эриль исцелится,
Стрелы дверга вынет Вёлунд,
Крепкий щит от зла он держит,
Грудь и спину прикрывает.
Сердце, печень, глаз и ухо

От разящих стрел укрыты,
Злобный враг вредить бессилён,
Тор и Один мне опора!

Каждый раз при этом у нее усиливалось чувство близкой опасности, но и чувство присутствия некой силы, способной отогнать тьму.

Заканчивался второй день после того, как Асбранд вернулся от Каменистого озера, но ему становилось только хуже. Приступы жара и озноба чередовались, он то сбрасывал все одеяла, то знаком просил снова накрыть его; его сотрясал кашель, и при этом он хватался за левый бок – боль в этом месте была очень дурным знаком. Снефрид делала ему свежие отвары трав, поила его козьим молоком и кормила размоченной толченой овсянкой, но ел он очень мало и слабел на глазах.

Старый Хравн, тебя я вижу!
Выйди вон, носитель хворей!

– гневно шептала она, склоняясь над заснувшим отцом – тихо, чтобы не потревожить больного.

Три страданья ты познаешь,
Испытаешь девять болей!
Забирай свои невзгоды —
Воля Вёлунда священна.
Хравн, ступай к себе в могилу,
Тор и Один мне опора!

Кроме заговоров, Снефрид знала целящие руны. Как могла бы не знать их единственная дочь лучшего эриля в округе, хотя с отцом она не дерзала бы состязаться. Однако все, чему Асбранд смог ее научить, теперь должно было послужить к его спасению. Принеся из леса березовую ветку, Снефрид вырезала на палочке руны Кеназ-Перт-Ингуз и положила отцу под подушку, прошептав:

Тор наполнит силой руны,
Тор и Один мне подмога!

В этот час она жалела, что отказалась от науки Хравнхильд во всей полноте – собственных ее умений, доступных любой женщине, могло оказаться недостаточно.

Работники, проведя день в лесу, настреляли глухарей и тетеревов. Снефрид сварила из добычи похлебку с луком и тимьяном и поила отца мясным отваром с ложки, добавляя немного размоченного хлеба. Иной раз выглядывало солнце. Тогда Снефрид выпускала погулять всю живность – коз с козлятами, грустных от вечного сумрака кур, – и сама задерживалась во дворе, глядя, как весело скачут козлята. Но солнце скоро пряталось, ётуны задерживали облачную занавесь на небе, на мир спускалась тьма. А никогда зимняя тьма не кажется такой долгой, жадной, гнетущей, как в те ночи, когда сидишь возле больного и чувствуешь, что Хель где-то рядом. Она смотрит на тебя снизу и притом благодаря своему росту – сверху. Ты для нее не добыча – так, мелкая букашка, но и эту букашку она не упустит.

Настала третья ночь. Асбранд был, кажется, в сознании, но не мог даже поднять головы и дышал со свистом. Снефрид все сильнее склонялась к мысли послать работника за Хравнхильд. Отцу это не понравится, но Снефрид себя не помнила от тревоги, что не сумеет спасти его

от объятий Хель. Уж слишком сильный у нее был соперник! Внучке, так мало знающей, не уговорить старого Хравна отступить, так может, это выйдет у его старшей дочери, куда более умудренной.

В эту пору Снефрид сама спала очень мало, и то днем – заснуть ночью она боялась. Казалось, стоит ей оставить отца без присмотра среди ночной тьмы – и злобный мертвец выдавит душу из тела, бросит ее в руки Хель. Поэтому Снефрид осмеливалась подремать только днем, сама питалась кое-как, и Мьёлль ворчала, что хозяйка сама скоро захворает, что я, мол, буду делать с вами двумя на руках?

Близилась полночь, луна наконец пошла на убыль. У Снефрид слегка кружилась голова и путались мысли. Она почти забыла поездку в Лебяжий Камень, а Ульвар казался ей не живым человеком, собственным мужем, а парнем из давно услышанной сказки не то про великаншу, не то про конунгову дочь. Она забыла, что им угрожает разоренье, едва помнила, что за причина привела Асбранда на Хравнов курган. Казалось, только бы отпустили его жар и озноб, и тогда все у них будет хорошо. Ничто другое ее сейчас не могло взволновать.

Было тихо, Мьёлль и работники спали. Глядя в огонь, Снефрид вдруг ощутила рядом чье-то чужое, непривычное присутствие. Подняла голову. У дальнего от нее края очага, где не было огня, сидел кто-то незнакомый, маленького роста, как десятилетний ребенок. Ей бросилась в глаза белая борода, огромные морщинистые руки, черные брови на темном лице...

Что это за дверг? Снефрид дернулась от неожиданности. Глаза ночного гостя были закрыты, но она ощущала его взгляд сквозь опущенные веки.

Ее пробило холодом. Мьёлль спала в женском покое, Коль и Барди похрапывали на своих местах, сипло дышал отец. Но ее и мертвеца от всех отделяла прозрачная стена, за которой только они могли видеть и слышать друг друга.

– Мне придется теперь уйти, – глухим тихим голосом сказал мертвец. При этом рот его не открывался, губы в бороде не шевелились. – Уж слишком сильные имена ты призываешь, с ними мне не совладать. Но не радуйся слишком. Сегодня ты заставила меня бежать, но настанет день – и бежать придется тебе самой, бежать далеко, на самый край света. Ты не найдешь покоя, пока не достигнешь пределов Утгарда. Только там ты сможешь остановиться, если не упустишь время и сможешь уцепиться за якорь. А теперь я оставляю вас, но не смейте тревожить меня больше.

Мертвец исчез. Снефрид моргнула. У дальнего края очага было пусто, и казалось, она спала и вдруг проснулась. Раздавался храп работников, отца не было слышно. В испуге Снефрид кинулась к нему. Асбранд обильно вспотел, но дышал ровно и кожа его стала прохладной. С дрожью в руках она протерла ему лицо и шею, боясь поверить, что хворь наконец отступила.

– О Вёлунд, славный наш прародитель, благодарю тебя! – прошептала Снефрид, глядя в темную кровлю. – Светлой твоей силой изгнан злобный мертвец, жизнь моего отца спасена! Славься, князь альвов! Славьтесь, асы! Славьтесь, асиньи, даровавшие нам речь, и разум, и целящие руки!

Изнемогая от облегчения, она села на край помоста. Но чувство близкой бездны не отступало. Снефрид не могла избавиться от мысли: они с отцом – потомки Вёлунда, но ведь она – родная внучка Хравна. Изгнать его до конца не получится – притаившись в ее крови, он всегда будет где-то рядом.

* * *

Только через три дня, когда Асбранд достаточно окреп, чтобы сидеть, привалившись к стене и подушкам, и начал хорошо есть, они смогли поговорить. Еще не вернув прежней силы, Асбранд был очень бодр и даже весел от мысли, что избежал огромной опасности.

– Все-таки я не зря сходил на курган, – не без торжества сказал Асбранд, когда Снефрид принесла ему миску молочной каши.

– Ты чуть в Хель не сходил, – с упреком ответила она. – Я же просила тебя подождать до лета!

Вспоминая те три дня и три ночи, Снефрид отчетливо понимала, как близка была к тому, чтобы осиротеть.

– Ну, я немного заглянул в Хель, но без этого мы бы ничего не узнали. Старик все же сказал мне кое-что важное. Главное – он сказал, что Ульвар жив. Ты не вдова, и это хорошо само по себе. Но это важно еще и потому, что никто не может затевать с тобой тяжбу из-за долгов мужа и вызывать в суд, пока жив он сам. Была бы ты вдова и наследница его имущества – другое дело. А так, пусть даже они найдут десять свидетелей и того человека, кому он проиграл пушнину, они бессильны что-то спрашивать с тебя – пусть ищут самого Ульвара и его вызывают в суд.

– Хотела бы я посмотреть, как Фроди и Кальв отправятся в Грикланд и там отыщут Ульвара! Но сможем ли мы притащить в суд Хравна и заставить подтвердить, что Ульвар жив! – тревожно смеясь, ответила Снефрид. – Пока у нас не самый надежный свидетель – тот, кто умер много лет назад! Хравн сказал мне, чтобы мы больше его не тревожили, и у меня нет никакого желания снова его видеть!

– Но и те двое не смогут доказать, что Ульвар мертв. Однако есть новость похуже. Старик сказал, что ты в безопасности только до тех пор, пока есть у тебя мужская защита. «Когда она останется одна, – сказал он, – волки сбросят овечьи шкуры, и она лишится всего. Мудрость женщины приведет к ней на помощь силу мужчины, если она сумеет ею овладеть».

– Но когда... – Снефрид похолодела, – *когда* я... останусь одна, как он считает?

– Видно, он думал, что в этот раз сумеет утащить меня с собой, – Асбранд прокашлялся. – Не ждал, что у тебя хватит сил его прогнать. И тогда ты осталась бы одна... если бы не решилась поскорее выйти замуж.

– Но Оттара я упустила. Как ты и предрекал, на Южном Склоне уже хозяйничает Гро.

– Это, конечно, неудача, но если ты, скажем, объявишь Фридлейву, что желаешь найти мужа, ждать сватовства долго не придется.

– Но мы же *знаем*, что Ульвар жив!

– Ты можешь объявить о разводе. Летом сравняется три года, как его нет дома, это будет законно.

Снефрид подумала и вздохнула:

– Н-не думаю, что хочу объявлять о разводе. Не могу сказать, что до сих пор безумно люблю его, но все же бросить мужа, как прохудившийся башмак, мне представляется некрасивым. Он ведь не наносил никакого оскорбления *мне*, а что его так долго нет... то вина судьбы, а не его воля. И еще, сдается, не новое замужество мне предрек мой добрый дедушка. Он сказал, что в этот раз я заставила его уйти, но он в отместку заставит меня саму бежать... до самого Утгарда.

– Ты хорошо поняла, что он сказал? – Асбранд нахмурился.

– Да. Он сказал именно это. «Тебе придется бежать до самого края Утгарда, и только там ты сможешь остановиться, если не упустишь время и сумеешь уцепиться за якорь».

– За какой якорь?

– Этого он не сказал. Думаю, он имел в виду, что волны судьбы унесут меня еще дальше, как лодку, если рядом не будет якоря. Я это все хорошо помню. Я сразу узнала Хравна, как только он появился – он был точно такой же, как в прошлый раз.

– Какой прошлый раз? – Асбранд нахмурился и подался к ней.

– Ну, я же видела его, когда была совсем маленькая. Мать возила меня к ним, посадив перед собой.

– Вот как! – Асбранд явно был удивлен.

– И однажды я там его видела. Он сидел у очага – такой же маленький, с длинной белой бородой, черными бровями и большими руками. Он тогда дал мне подержать какую-то бронзовую палочку...

– Палочку?

– Ну, вот такой стрежень, – Снефрид показала руками величину, – с одного конца такие... как тонкие веточки, собранные в пучок у самого конца, как у веретена, которое делают из еловой верхушки, только все это было отлито из бронзы. Это веточки вместо прясленя... Хотя прядет Хравнхильд еловым веретеном с прясленом из хрусталя. Мне в детстве безумно нравился этот ее пряслень: когда она прядет, веретено вращается, он так ярко сверкает, как звезда... Что с тобой? Кого ты увидел? – Снефрид обернулась и проследила направление Асбрандова взгляда. – Он что, опять здесь?

– Н-нет, – отец перевел взгляд на нее, как будто с трудом. – Хрустальный... пряслень... это да. Это правда. Это так и есть. Но остальное...

– Что? – Снефрид забеспокоилась, не понимая, чем отец так потрясен.

– Хравн... Когда он умер, ему не было еще и пятидесяти. Он был довольно высоким мужчиной, у него были темно-русые волосы, от возраста они потускнели, но еще не поседели до белизны, и в бороде седины было мало. И она была не длинной, вот такой, – Асбранд показал на середину груди, – и он всегда заплетал ее концы в две-три коротких косички, а на них надевал костяные бусины в виде птичьих черепов. У него было мало морщин, крупный сломанный нос и очень яркие голубые глаза.

По мере его рассказа глаза самой Снефрид раскрывались все шире и шире. Она начинала понимать, почему ее слова так взволновали отца, а теперь его речь то же действие произвела на нее саму.

– Но я видела совсем другого человека! И в тот раз, и сейчас! Кто же ко мне приходил, если не Хравн!

– Может, и Хравн, просто тебе он показался в ином облике. Посмертном.

– Но в тот раз, когда я была маленькой...

– Снеф, дорогая! – Отец накрыл ее руку своей. – Когда он умер, тебе не было двух лет. И тебя никогда не возили туда в это время. При его жизни – ни разу.

– Но я же помню... – Снефрид растерялась. – Я помню их дом с самого раннего...

– Мать стала брать тебя туда, когда скончалась твоя бабка Лауга. Тебе тогда было уже около четырех лет.

– Но что же... я придумала это? – Снефрид ничего не понимала. – Клянусь, я не выдумываю! Я помню, как я сидела одна у очага, мать и Хравнхильд были где-то вне дома, и я увидела напротив старика... И когда я увидела его здесь у нас, я сразу его узнала! Если бы я его не видела раньше, как бы я догадалась, кто это? Приснился он мне, что ли?

– Я этому вижу только одно объяснение, – помолчав, с неохотой сказал Асбранд. – И в тот первый раз... ты увидела его... он явился тебе уже после смерти. Во сне или наяву – не важно. А тебе было около четырех лет. Может быть, это было в самый первый раз, как Хравнхильд осталась в доме одна и твоя мать повезла тебя туда, чтобы ее подбодрить.

– И мне явился мертвец? – в изумлении Снефрид даже привстала. – Но я даже не испугалась!

– Ты была слишком мала. Ты не знала, что дед умер, и не удивилась, увидев его. И не знала, как он выглядел.

– Пожалуй... да, – вынуждена была согласиться Снефрид.

Для маленького ребенка мир еще окутан туманом, он знает мало и не уверен даже в том, что знает, поэтому ничему не удивляется. Она тогда знала, что у нее имелся какой-то дед, отец матери, но не могла бы точно сказать, жив он или умер, то есть присутствует ли в

мире, где вещи и людей можно потрогать, или... где-то в отдалении, как все воображаемое. Если четырехлетняя девочка и знала, что «дедушка умер», то, увидев его перед собой, просто решила, что ошиблась или не совсем верно поняла, что значит «умер».

– Но почему ты раньше мне не говорил, что я не могла его видеть?

– Я не знал, что ты его видела.

– Не знал?

– Ты мне не говорила.

– Я думала, ты знаешь!

– Откуда я мог знать?

– Мама разве тебе не сказала?

Опять же, как это свойственно маленьким детям, Снефрид думала, что родители знают все. Ни разу за всю ее взрослую жизнь ей не пришлось в голову рассказывать отцу о той встрече, поэтому она и не знала раньше, что при жизни деда ни разу не была в Каменистом Озере.

– А зачем ему понадобилось мне показываться? Тогда он мне вроде бы ничего не говорил.

– Ты сказала, он дал тебе «жезл вёльвы». Иначе «веретено вещей жен».

– Это был жезл вёльвы? Та бронзовая палочка?

– По описанию похоже. Ты разве больше никогда его не видела?

– Нет. Это ведь тот самый жезл... ну, который Хравнхильд хочет мне отдать. Оставить, когда умрет. Она хочет, чтобы я взяла его и стала вирд-коной вместо нее. Хочет передать мне нить судьбы своего питомца, сына Алов. Но я не хочу его брать и не желаю даже смотреть...

Снефрид осеклась. Вся ее решимость вдруг испарилась от простой мысли: да ведь она уже взяла этот жезл. Маленькой девочкой, понятия не имея, что это такое и на что ее обрекает. А дал ей это судьбоносное орудие уже покойный дед-колдун, нарочно ради этого вылезший из могилы...

В растерянности она посмотрела на свои руки. «И руки целящие даруйте мне...» Она вылечила отца от хвори, которая должна была его сгубить. Прогнала старого Хравна. Только ради этого на многое можно было пойти...

Но выходит, что судьба ее была решена много лет назад, еще в то время, когда она по малолетству неспособна была понимать и решать. «Жезл вёльвы» остался у Хравнхильд, но некая часть живущей в нем силы осталась у Снефрид.

И как теперь от нее избавиться?

Глава 4

Изгнание обратно под землю изрядно разозлило старого Хравна: уже назавтра погода испортилась. Похолодало, несколько дней валил снег, так что все горы и долины оказались засыпаны, лишь ели да большие камни проглядывали сквозь белый покров. Глядя на это, Снефрид отказалась от возникшей было мысли повидаться с теткой и попробовать что-то выяснить насчет появления Хравна и «жезла вёльвы». Помимо воли она все прочнее утверждалась в мысли, что Хравнхильд была права во всех своих предсказаниях, но ей вовсе не хотелось окончательно убедиться в этом. От этого начинало казаться, что ее родной дом, отец, привычные окрестности, весь устоявшийся уклад ее жизни – только сон, который разрушит первый легкий звук. А что кроется за ним? В каком мире ей придется открыть глаза?

В такие дни мало кто высовывался из дома, жизнь в округе замерла. «Только девы ётунов в эту пору носятся на лыжах по долинам, и тебе не стоит им попадаться!» – говорили матери детям, если те просились погулять. Луна шла на убыль, и даже когда ей удавалось прорваться сквозь облака и глянуть, что делается внизу, она могла смотреть лишь одним глазом, и света земле давала немного.

«Жди сегодня!» – услышала Хравнхильд однажды утром, едва проснулась. Вернее, за миг до того как проснулась – этот голос ее и разбудил. Отец, старый Хравн, нередко предупреждал ее о чем-либо, особенно о гостях. Слова эти ее и обрадовали, и заставили насторожиться. Она знала, что отец чем-то разгневан в последние дни. Ей-то было известно, кто наслал непогоду на округ Лебяжьего Камня, она не знала только – почему. И сейчас его голос звучал сварливо, раздраженно, но все же Хравн снова мог говорить, а не просто быть голосом ветра.

Но кого ей стоит ждать? На уме у Хравнхильд была племянница, Снефрид. Несколько раз она выходила и смотрела на запад, где в двух роздыхах отсюда лежал Асбрандов хутор. Но оттуда никто не показывался, а потом стемнело, и смотреть стало бесполезно.

К ночи непогода совсем разгулялась, снегопад густел, ветер усиливался. Лишь раз ущербная луна мелькнула меж облаков, одетая лиловой, будто цвет вереска, дымкой. А потом... Хравнхильд ушам не поверила – раздался удар грома. Она как раз была снаружи, возле дома – ходила проверить на ночь коз и подоить ту единственную, которая зимой доилась. Услышав громовой удар, Хравнхильд в испуге вскинула голову и успела заметить меж облаков такую же лиловую, как лунная дымка, молнию. Это как же должен был разъяриться Тор, если достал свой молот в глухую зимнюю пору? Все живое в такую ночь хотело одного – спрятаться. Юрк-нув в дом, Хравнхильд тщательно заперла дверь.

Похоже, сегодня можно никого уже не ждать, думала она, сидя у очага с пряжей и посматривая на свою старую серую собаку – ради долгой верной службы Хравнхильд позволяла ей зимой ночевать в доме. Какая же должна быть нужда у человека, чтобы выйти наружу в такую ночь – именно сейчас и окажешься между бегущими девами ётунов и разъяренным Тором. Кари, ее старый работник, уже спал в дальнем углу спального помоста, навертев на себя несколько шкур и овчин. Хравнхильд и сама подумывала лечь. Поленья в очаге она расположила так, чтобы горели подольше, но все равно придется ночью вставать и подкладывать, иначе дом остынет. Однако она медлила – предчувствие не давало ей уйти на покой. Старый Хравн редко подает голос, но никогда не делает этого зря.

Над кровлей гудел ветер. Вдруг серая собака подняла голову, прислушалась, выпрямила передние лапы и встала. Хравнхильд отложила веретено, наблюдая за собакой. Та уверенно направилась к двери и стала принюхиваться.

Собака гавкнула. Напряженный слух Хравнхильд различил снаружи какой-то шум – непонятную возню, будто что-то большое тыкалось в толстые, стоймя вкопанные доски, состав-

лявшие наружную стену дома. Ее пробила дрожь – вспомнилось предостережение Хравна. Ничто хорошее не может прийти в такую ночь! Собака залаяла, и возня снаружи усилилась.

– Тише ты! – шикнула Хравнхильд на собаку, быстро подходя к двери.

Казалось, что-то крупное, как медведь, трется о стену. Обливаясь дрожью, Хравнхильд взяла стоявший на краю лавки топор и глянула на Кари: надо бы его разбудить.

Потом раздался стук – кто-то колотил снаружи в стену. Хравнхильд испугалась еще сильнее – этот беспорядочный стук могло производить какое-то лишенное разума существо. Троль? Дева зимы? Одинова дикая охота – время для нее самое подходящее – обычно не стучит в двери, но что если какой-то из ее участников отбилась от своих?

Шорох переместился, и раздался стук в дверь. Хравнхильд застыла, сжимая топор; она хотела позвать Кари, но боялась сдвинуться с места и подать голос. Собака лаяла, и, вероятно, ее слышали снаружи – стук повторился, еще более громкий и настойчивый.

– Кто там? – закричала наконец Хравнхильд.

Почти прижавшись ухом к холодным доскам, она уловила, что ей пытаются дать ответ. Но не разобрала ни слова – какое-то мычание или рев, да и все.

Точно это троль! Это не может быть человеческим голосом!

– Если ты троль, то проваливай! – крикнула она. – Отправляйся назад к матери троллей, я отсылаю тебя в скалы и деревья, возвращаясь вспять, к тому, кто послал тебя! Пусть Тор вдавит тебя в синюю скалу на девять локтей, и там ты будешь пребывать, пока не наступит Затмение Богов!

Но троль – если это был он – не исчез: стук раздался снова, и теперь в нем слышалось нетерпение. Хравнхильд немного ободрилась: собственный громкий голос, имя Тора и упоминание о его силе прогнали ненужный страх. Что если это никакой не троль, а какой-то бедняга сбился с пути? Немудрено, если он в темноте, среди снегопада, не сумел сразу найти дверь! Он же замерзнет там насмерть, не дотянет до утра.

– Защитите меня, Тор и ты, старый Хравн! – сказала Хравнхильд, и, зажав топор под мышкой, сняла засов.

Ей пришлось изрядно самой нажать на дверь – неведомый гость привалился снаружи и не давал открыть.

– Заходи скорее, проклятый бродяга! – сердито закричала Хравнхильд, враз охваченная резким холодом и ветром. Снежинки целыми облаками полетели внутрь, тая в полете и падая каплями воды, пламя в очаге заплесало. – Ни одному троллю я не позволю студить дом!

Наконец гость показался на пороге – и Хравнхильд отшатнулась. Мелькнула мысль, что она все же накликала беду и к ней явился настоящий ётун. Кто-то огромного роста, как ей показалось, закутанный в шкуру, без лица, весь усыпанный снегом, шагнул в дом, обеими руками цепляясь за косяки двери, и дверной проем был для него тесен.

Но не успела Хравнхильд как следует испугаться, как троль покачнулся и рухнул прямо на нее – она едва сумела отскочить назад, чувствуя, как дохнуло холодом и снег посыпался ей в лицо. Некто огромный, темный, весь в снегу, лежал на соломе пола, а снеговой ветер тянулся за ним, как плащ. Спешно обойдя его, Хравнхильд захлопнула дверь и снова наложила засов. Так или иначе, но дело сделано, гость вошел.

Не выпуская из рук топор, Хравнхильд наблюдала за ним. Рога, копыта, медвежьи лапы или волчий хвост в глаза не бросились. Гость слегка зашевелился на соломе. Пожалуй, не стоит бояться, что он на нее нападет – похоже, у него просто нет на это сил.

– Кто ты такой, во имя Тора? – строго спросила Хравнхильд. – Скажи что-нибудь, чтобы я поняла, кого впустила в дом.

Она обошла гостя и встала там, где, как ей казалось, должна находиться его голова. Собака обнюхивала его и виляла хвостом – признала человека.

– Ты можешь говорить?

Двигаясь с огромным трудом, гость приподнялся и сел на полу. Провел рукой в варежке по лицу – тому месту, где Хравнхильд предполагала обнаружить его лицо. Он был с головой укутан в толстый шерстяной плащ, в складках которого скопилось столько снега, что гость напоминал скалу серого гранита, покрытую снеговыми расщелинами. Увидев перед собой огонь, снеговой тролль пополз к нему, и Хравнхильд посторонилась. Видя, что он норовит влезть чуть не в самый очаг, она подложила еще несколько поленьев, но предостерегла его:

– Ты задумал изжариться? Дело твое, но мы тут троллятину не едим.

– Гы-гы-де? – прорычал тролль низким хриплым голосом, и Хравнхильд содрогнулась, его услышав.

– Что? Говори по-человечески.

Тролль сбросил с себя плащ и сдвинул назад оказавшийся под ним худ. Перед Хравнхильд предстало красное от холода, грубое, обветренное лицо немолодого мужчины. Широкий нос, густые брови, глубоко посаженные воспаленные глаза, усы в сосульках, рыжеватая борода, мокрая от тающего снега. На левой щеке, выше бороды, была хорошо заметна поперечно расположенная полузажившая рана, черно-красная от засохшей крови, по величине и виду весьма схожая с еще одним ртом. Ну вот, кое-что от тролля в нем все же есть...

Гость обратил глаза на Хравнхильд, с трудом сосредоточил на ней взгляд.

– Г-где я? – хрипло выдавил он.

– Мой дом называется Каменистое Озеро. А куда ты идешь?

– Это... округ Лебяжьего Камня?

– Да, это округ, которым правит достойный хёвдинг Фридлейв. Тебе нужно к нему?

Хравнхильд никогда раньше не видела этого мужчины и сразу поняла, что перед нею чужак, гость издалека. Даже в нынешнем состоянии, замерзший до полного бессилия, он выглядел человеком бывалым и значительным. Если бы в их округе такой имелся, едва ли она могла бы его не знать, тем более что они были примерно одних лет, сколько она могла судить по его виду.

– Ммм... н-нет, – пробормотал гость, переводя взгляд на огонь. – Н-не знаю. Я ш-шел весь день... замерз как волк. Думал, ё-ётуны возьмут меня посреди долины. Как с-стемнело... Надо было сесть в лесу под ель и переждать буран, но у меня совсем ничего нет из еды, а я не ел уже... со вчерашнего утра. Мог заснуть и не проснуться. А тут еще...

Он с трудом повернулся и схватился за бок. Хравнхильд видела, что он двигается как-то неловко, и тут ее осенило, что это может означать.

– Ты ранен? Что случилось? Это звери, или ты с кем-то повздорил?

Перед нею сразу развернулась вся сага: чужак поссорился с кем-то у себя дома, подрался, убил, сам был ранен, вынужден бежать... и вот упал у ее порога! И уже завтра-послезавтра по его следу сюда придут мстители. Очень нужен ей такой подарок!

– Н-нет, – он говорил не очень внятно, с трудом шевеля замерзшими губами. Видно, у него все лицо в метели задубело, несмотря на худ и плащ. – Не сейчас. Давно. Рана... открылась... давняя.

– Покажи, – велела Хравнхильд не без сомнения.

Если он вздумает умереть тут, возле ее очага, ее тоже ничего хорошего не ждет. Придется ехать к Фридлейву, объявлять о смерти неведомого человека... Ну или просто зарыть его где-нибудь в лесу и сделать вид, что она его в глаза не видела.

– Ты лекарка?

– Самую малость, – Хравнхильд поджала губы.

Но гость уже заметил развешанные везде пучки трав.

– Помоги, – он кивнул на свой пояс и слабо пошевелил заочевенными пальцами.

– Ох-ох! – Хравнхильд встала на колени возле него. – Давненько мне, старухе, не пришлось расстегивать пояса мужчинам!

Гость глухо хмыкнул. Он мог бы сказать, что и ему давненько женщины не расстегивали пояс, но на шутки не было сил. Ворча и дуя на зябнувшие пальцы, Хравнхильд принялась за дело: ремень на морозе стал как железный и не гнулся, бронзовая пряжка обжигала холодом. Однако пряжка в виде драконьей головы была очень хорошей, тонкой работы, а к тому же позолоченная. Ого, подумала Хравнхильд. Этот тролль, кем бы он ни был, не из бедных бродяг, хоть и не ел два дня.

Из-под мокрого, тяжелого плаща еще что-то блеснуло, и у Хравнхильд сами собой вытащились глаза. Она увидела рукоять меча – он висел у гостя на перевязи за спиной и до того был скрыт под плащом. Навершие рукояти в виде полукруглой шапочки покрывал тончайший узор из серебра и золота, и близ очага оно сияло так, что кололо глаз. Хравнхильд чуть не отпрянула, потрясенная. Воистину, мертвеца в ее доме было увидеть легче, чем такой меч! Он стоит больше, чем весь ее дом, со всей утварью и козами, да в несколько раз! Подобные вещи она видела лишь два-три раза в жизни – у конунгов и их приближенных, и то издали.

– Ты что – конунг... ётунов? – вырвалось у нее.

Гость не ответил, знаком показав, чтобы она помогла ему стянуть кожух.

Одет он был в полушубок из волчьей шкуры, мехом внутрь. Хравнхильд помогла ему высвободить руки. Пахло от гостя, как от всякого, кто долго путешествовал и давно не мылся, но под кожухом он уже не был таким холодным. Ниже оказалась рубаха из грубой некрашеной шерсти, и он знаком показал, что ее тоже надо снять. Двигался он неловко, но молчал.

А когда рубаха была снята, Хравнхильд увидела, где беда. С правой стороны, на ребрах, на серой шерсти нижней сорочки виднелось пятно крови – свежая кровь наслаивалась на уже подсохшую, видимо, кровотечение началось какое-то время назад.

Испустив глубокий вздох, Хравнхильд взялась и за эту сорочку. Наконец она тоже была снята. Мощное тело с узловатыми мускулами, довольно густо заросшее волосом, подошло бы какому-нибудь троллю, если бы не многочисленные старые шрамы, покрывавшие его почти везде, где Хравнхильд смогла увидеть. Хуже всего было на ребрах – там кровоточила рубленая рана длиной в палец, явно не свежая, уже было начавшая заживать, но снова открывшаяся примерно день назад.

– Ложись здесь, – Хравнхильд расправила его сорочку поверх прочей одежды и знаком показала, чтобы лег раненым боком к огню.

Пока он укладывался, Хравнхильд подкинула еще дров, налила воды в котелок на ножках и поставила его в угли.

– Надо бы это зашить, – сказала она, наскоро стерев кровь, чтобы осмотреть рану. – Сама она не заживет. Там ведь были сломаны ребра?

– Два. Делай как знаешь, – равнодушно ответил гость.

Вытянувшись на спине, он закрыл глаза, и по его жесткому лицу разлилось выражение покоя. Кажется, он уже был доволен, очутившись в теплом доме, где ему вроде бы хотят не дать умереть.

Хравнхильд принялась за дело: подогрела воды, как следует обмыла рану, осмотрела, сколько позволял свет очага. Ждать утра не было смысла: в доме и в полдень не станет светлее, чем сейчас, а тащить его голого наружу и шить дубеющими от холода пальцами она не хотела. Кривая серебряная игла у нее имелась, как и особые нити из козых кишок.

– Ехал однажды Один через радужный мост, конь его оступился, сломал ногу, – зашептала она над иглой, прежде чем приступить к делу. – Пришла Фригг к нему пешком, принесла золотую иглу, серебряную нить; она сшила кость с костью, кожу с кожей, кровь с кровью...

– Один владеет мной... – пробормотал раненый; ей показалось, он не понял ее речь, а лишь услышал знакомое имя.

Значит, он не тролль, мелькнуло в голове у Хравнхильд; однако принадлежность Одину могла означать важные вещи.

Пока она зашивала, гость не открыл глаз и не охнул, лицо его оставалось неподвижно. Хравнхильд поглядывала на него вопросительно, не умер ли, но мускулистая волосатая грудь вздымалась, из горла вырывалось хрипловатое дыхание.

– Теперь сядь, нужно перевязать, – велела она, закончив.

Он попытался встать, но смог лишь слегка приподняться, и Хравнхильд, обхватив его за плечи, с трудом подняла тяжелое тело, чтобы он мог сесть, опираясь спиной о спальный помост. Его слегка била дрожь – гость еще не совсем согрелся. Хравнхильд перевязала рану, обмотав его торс полосами льна от своих и Кари сношенных сорочек.

– Теперь ложись, но пока не спи, я сделаю тебе отвар и дам поесть.

Он лишь слабо шевельнул веками в ответ. Хравнхильд размочила хлеба в простокваше, приподняла голову раненого, положила к себе на колени и стала кормить его с ложки. Он с трудом глотал, кажется, уже в полубеспамятстве.

– Ешь, – твердила она, – а то завтра у тебя уже не будет на это сил. Не зря же я с тобой столько возилась!

– Не зря, – вдруг выдохнул он между двумя глотками. – Я... награжу тебя... богато. Только... не говори никому, что я здесь.

«Все-таки он беглый», – мельком подумала Хравнхильд, а вслух вздохнула:

– В такую непогоду я еще много дней не увижу никого, кроме своих коз!

Гость снова закрыл глаза, вполне успокоенный этими словами.

Убедившись, что он подкрепился, Хравнхильд снова уложила его на подстилку из его собственного плаща и кожуха, накрыв сверху его шерстяной рубахой и парой овчин. На спальном помосте имелось вдоволь свободного места, но ясно было, что поднять туда раненого не сможет ни он сам, ни она, ни даже при помощи Кари и собаки. Уже почти заснув, он вдруг о чем-то вспомнил и стал беспокойно шарить рукой вокруг себя. Сообразив, чего ему надо, Хравнхильд придвинула к нему лежащий на полу меч в холодных кожаных ножнах и подложила под руку. Раненый успокоился.

Собака подошла и легла ему под бок, с другой стороны от меча. Хравнхильд отгребла немного огонь с этого края очага, чтобы на гостя не упал отлетевший уголек, и сама прилегла на помосте поблизости, откуда он был ей хорошо виден.

Наконец Хравнхильд закрыла глаза. От усталости под веками поплыли огненные пятна, даже немного закружилась голова. Вспомнился голос Хравна: «Жди сегодня».

Да уж, старый колдун не потревожил ее напрасно. У Хравнхильд было такое чувство, что к ней явился сам Фафнир в человеческом облике – нечто куда более крупное, чем может поместиться в ее доме. Страху ей гость не внушал, но было устойчивое ощущение, что этот хлопотливый вечер – лишь самое начало, первые слова длинной саги.

Или, вернее, несколько слов из середины. Хотелось бы знать, что в этой саге произошло раньше, думала Хравнхильд, погружаясь в сон...

* * *

Утром, когда Хравнхильд проснулась, гость еще спал, издавая сипение. Она разожгла очаг поярче, осмотрела раненого и покачала головой: им явно овладела лихорадка, он был горячим и слабо постанывал во сне. Хравнхильд разбудила Кари и отправила чистить козий хлев, а сама стала греть воду, чтобы еще раз перевязать рану и сделать отвар целебных трав и мазь. Растирая в ступке сушеные травы – подорожник, ромашку, крапиву, полынь – Хравнхильд шептала:

Гневные жены
Копья метнули,

Злобные дверги
Стрелы пустили,
Кожу порвали,
Кости сломали,
Кровь проливали,
Боль причиняли.
Мать-крапива,
Стойкая в битвах,
Встань против боли,
Дай облегчение.
Укрой нас от гнева
Жен копьеносных,
Укрой нас от злобы
Двергов разящих.
Тридцать три боли
Ты изгоняешь,
Тридцать три раны
Ты заживляешь,
Силу даешь ты
Против коварства
Ётунов жен
И тварей нечистых.
Велит тебе Идунн,
Велит тебе Герда,
Велит тебе Эйра —
Здоровье дай мужу!

— Что ты там бормочешь? — раздался с лежанки, устроенной на полу, хриплый голос раненого; даже по голосу было слышно, как он слаб.

— Пытаюсь извлечь те стрелы, которыми ты ранен.

— Это был топор.

— Как мне тебя называть? А то богини и дисы могут не понять, кому им помогать.

— Называть? — Он чуть ли не удивился. — Называй меня... Вегтам⁷. Неплохое ведь имя?

Хравнхильд наклонилась над ним и с выразительным вниманием заглянула сперва в один полуоткрытый глаз, потом в другой. Цвета их при огне было никак не разобрать, но каждый был глубиной с колодец Мимира.

— Оба глаза у тебя на месте, так что не пытайся меня уверить, будто мне явился сам бог — я для этого слишком стара. Вот если бы лет тридцать назад... Сдается мне, тебе также подошло бы имя Ханги⁸, — хмыкнула она.

— Тоже неплохо, — согласился раненый.

— Или Вавуд⁹...

— Чего же нет. И Видрир¹⁰ тоже.

— Я бы сказала, скорее буря принесла тебя.

— Как знать. Не будет ложью сказать, что бури следуют за мной всю мою жизнь.

⁷ Здесь и далее перечисляются имена (прозвища) Одина. Вегтам — Привыкший к пути.

⁸ Ханги — Повешенный.

⁹ Вавуд — Странник.

¹⁰ Видрир — Буреносец.

– Тогда едва ли такой гость будет для нас желанным. У нас и без того здесь не слишком спокойная жизнь... – проворчала Хравнхильд, мельком подумав о Снефрид и ее делах с долгами Ульвара. – Нам не нужен гость по имени Хникар¹¹.

– Тогда зови меня Свидрир¹².

– Хотела бы я, чтобы это имя говорило о тебе правду.

– Немало людей за последние лет тридцать пять обрели покой под моей секирой¹³.

Хравнхильд еще раз перевязала рану, но вид ее ей не понравился. Свидрир натужно кашлял, в груди у него свистело и сипело, и она подозревала, что зашивание раны делу не вполне поможет: если сломанные ребра повредили внутри легкое, то здесь она бессильна.

– Присядь и поешь, – велела она, закончив перевязку и натянув на Свидрира нижнюю рубаху, которую отыскала в его мешке.

– Я не хочу есть.

– И это плохо. Тогда подождем, сейчас вернется Кари и поможет поднять тебя на лежанку. Не стоит тебе лежать на полу, ты и без того слаб.

– А этот твой Кари... он твой муж?

– Это мой работник.

– А где муж?

– У меня нет мужа.

– Кто еще здесь живет?

– Собака, четыре козы, девять кур и петух. Да еще мой отец, но он обитает в трех перестрелах отсюда... под землей. Так что если ты хочешь убить меня и ограбить, едва ли кто сможет тебе помешать! – Хравнхильд ухмыльнулась.

– Твой работник – человек надежный? Он не выдаст?

– Он глухой и оттого неразговорчив. Да и метель все метет – отец мой уж очень разгневан.

– Никто не должен меня видеть.

– Не знаю, когда кто-то сможет выйти отсюда или прийти. Да и нечасто ко мне бывают гости.

– Это хорошо, – сказал Свидрир и замолчал.

Хравнхильд занималась своими делами, не задавая ему вопросов. Она не была любопытной. В девяти мирах столько всего неизвестного и непостижимого, что расспрашивать хоть всю жизнь – не выведаешь и сотой доли. Что за человек ее Свидрир – она видела и сама. А что за дела привели его в округ Лебяжьего Камня – ей что за нужда?

Лишь одно дело, свойственное подобным людям, могло ее касаться. Но и тогда она предпочитала дожидаться, пока гость заговорит сам. Если он для нее опасен – сама она себя не выдаст.

Когда вернулся Кари, Хравнхильд знаками показала ему, чтобы помог, и, соединив усилия всех троих, они подняли раненого на приготовленную лежанку на помосте, ближе к очагу, где было теплее и светлее. Сев рядом, Хравнхильд покормила его овсянкой и дала выпить свежего козьего молока. Ел он неохотно. Несмотря на отвар крапивы и ромашки, жар не отступал, его заметно трясло, но он не жаловался, и грубое лицо его оставалось неподвижным, как деревянное.

– У тебя где-то болит? Кроме раны?

– Дверги колют меня с левой стороны. В руку, под лопатку и в шею. Эти твари всегда заходят слева. Ничего не видно, – Свидрир слегка приподнял левую руку и посмотрел на нее, – но я ощущаю, как они тычут в меня своими копиями.

¹¹ Хникар – Сеятель Раздора.

¹² Свидрир – Покой Приносящий.

¹³ Устойчивое выражение, означающее «были убиты».

После полудня, когда снег немного утих, жар у Свидрира унялся. Хравнхильд обтерла его влажной тряпкой, сняла мокрую от пота сорочку и выдала взамен старую рубаху, оставшуюся от Хравна, но Свидрир не стал ее надевать, а просто накрылся ею. Выпив еще отвара, он немного приободрился и сделал ей знак, чтобы не уходила.

– Ты давно здесь живешь?

– Я здесь родилась. Этот дом построил мой дед.

– Знаешь всех людей в округе?

– Пожалуй, знаю. Ты кого-то ищешь? – непринужденно спросила Хравнхильд, не подавая вида, что этот вопрос ее тревожит.

Если он ищет именно ее – ради вражды с ее питомцем, сыном Алов, то ему вовсе незачем знать ее имя.

– Где-то здесь должен жить один человек... Ульвар сын Гуннара. Его хутор называется Южный Склон. Знаешь такого?

Хравнхильд промолчала в изумлении. Вот о ком она не ждала услышать от зимнего гостя, пришедшего из метели, будто ётун, так это об Ульваре. Все ее мысли разом перевернулись: то, о чем она думала и к чему готовилась, оказалось несостоятельно, но взамен догадкам пришло одно недоумение. Что общего такой человек может иметь с Ульваром?

Неужели под одним из имен Одина-странника к ним явился долгожданный вестник от беглеца?

– Ты что-то о нем знаешь? – Хравнхильд с вытаращенными глазами наклонилась над Свидриром. – Ты пришел от него?

– Я пришел к нему. Знаешь, где он живет? Можешь послать работника за ним? Я дам ему пеннинг¹⁴.

– О великий Отец Колдовства... Ты просишь невозможного. Уже третий года как никто у нас не знает, где Ульвар с хутора Южный Склон. Чтобы за ним послать, пеннинга будет мало! Мы сами дали бы пеннинг, – Хравнхильд засмеялась над это несуразной суммой, – тому, кто сказал бы нам, куда за ним послать!

– Что? – Свидрир, смотревший полужакрытыми глазами вверх, повернул голову, чтобы взглянуть на Хравнхильд. – Он жив?

– Никто этого не знает. Уже больше трех лет как он ушел в море и пропал. У тебя к нему какое-то дело... по части долгов?

Свидрир помолчал, потом ответил:

– Пожалуй, что и так. Кто у него есть из домочадцев?

Хравнхильд помолчала.

– Не вижу толку мне с тобой лукавить, – сказала она чуть погодя. – Я знала Ульвара. Он был мужем моей племянницы, дочери моей сестры. Если ты хочешь еще что-то от меня узнать, сперва расскажи, что у тебя к нему за дело. Если он должен тебе денег, то здесь ты ничего не получишь. Его хутор уже продан, чтобы расплатиться за старые долги, и другие люди осаждают его жену, чтобы получить назад свои деньги, которых у нее нет. Они собираются подать жалобу на весеннем тинге в Уппсале. Можешь к ним присоединиться. Если, конечно, – она усмехнулась, – будет охота показываться на глаза конунгу и его людям.

– Хутор продан... – пробормотал Свидрир и замолчал, опустив веки.

Хравнхильд ждала, но он больше ничего не сказал. Прислушавшись, она обнаружила, что он спит.

¹⁴ Пеннинг – наименьшая часть марки как меры серебра, 0,8 г.

* * *

Как и думала Хравнхильд, улучшение оказалось недолгим. Середину дня Свидрир проспал почти спокойно, только дышал с хрипом, но когда начало темнеть, у него снова поднялся жар. Он тяжело метался на подстилке, глухо вскрикивая от боли, когда невольно задевал рану в боку. В сознании он не показывал боли, но сейчас не мог себя сдерживать; от его коротких глухих стонов даже у Хравнхильд сжалось сердце. Она не была жалостливой женщиной, да и повидала всякое, но эти стоны походили на вой – глухой вой существа, которое бесконечно долго страдало где-то вдаль от света и уже не имеет надежды выбраться на волю. Не в силах этого слушать, она приготовила новый отвар ивовой коры, отгоняющий лихорадку, и разбудил Свидрира.

– Выпей, – велела она, когда его веки дрогнули и с трудом приподнялись. – Тебя давила мара¹⁵, я боялась, удавит совсем. Что я стану делать с таким тяжеленным телом?

От жара у Свидрира кружилась голова. Еще раз осмотрев рану, Хравнхильд убедилась, что ее опасения сбылись: началось воспаление. Сделав отвар дубовой коры, она наложила на рану примочку, посыпала сушеным листом подорожника и снова перевязала. Эти простые действия так утомили Свидрира, что он не мог даже поест.

– Постой! – Когда Хравнхильд хотела отойти, он тронул ее за руку своей горячей рукой. Ей показалось, что ее коснулся тролль, сделанный из камня. – Не уходи.

Хравнхильд снова присела.

– Нужно... Есть одно... что мне поможет. Я за этим пришел.

– За чем ты пришел? – Хравнхильд наклонилась к нему.

– Чудесное... средство. Сильное... сильная вещь. Она у него... Ульвара. Давно... пять... или шесть лет. С тех пор у него.

– Пять или шесть лет Ульвар владеет некой сильной вещью? – Голос Хравнхильд выражал изумление.

Свидрир только пошевелил веками в ответ, сберегая силы.

– Что это за вещь?

– Найди... Принеси сюда. Тогда я... смогу... одолеть этих dwarves...

– Но что я должна принести?

– Ларец.

– Ларец с чем?

– Он знает какой. Он такой один.

– Ты уверен? Ни разу я не слышала, чтобы Ульвар имел какой-то особенный ларец...

Хравнхильд задумалась. Она не бывала в Южном Склоне и тем более в Оленьих Полянах, с тех пор как Снефрид туда вернулась – Асбранд не желал видеть свояченицу. Так что, строго говоря, она не могла поручиться, что у Снефрид ничего подобного нет.

– Я сам... ему отдал. В Хедебю. Летом, когда... Через лето, как нас разбил... Мы играли... я отдал ему ларец, и он дал слово, что вернет, когда я привезу деньги. Пойди... туда. Кто там есть? Спроси. Если найдут ларец, я дам деньги... сотню...

– Сотню? – Хравнхильд подняла брови как могла выше. – Что же такое в этом ларце? Ожерелье Фрейи?

Свидрир не ответил.

– Принеси... – пробормотал он чуть позже. – Тогда я... буду жить. Я дам тебе... тебе денег. Сколько хочешь... Сотню серебра... хочешь?

¹⁵ Мара – ночное вредоносное существо, садится на грудь и на голову спящему, может задушить.

– Да ты, зимний странник, бредишь, – догадалась Хравнхильд. – Выпей-ка еще ромашки и постарайся заснуть. Это для тебя сейчас лучше всего.

Свидрир и правда едва держался в сознании, его клонило не то в сон, не то в забытие. Занимаясь делами, Хравнхильд часто подходила к нему: сон его был беспокойным, он то глухо стонал, то вскрикивал, то бормотал что-то. Сказал ли он правду? Сотня серебра! За эти деньги можно купить тридцать коров или убить человека. Или выплатить долг Ульвара его фелагам, чтобы они оставили Снефрид в покое. Хравнхильд сердилась на упрямство племянницы, но не желала ей зла и уж тем более не хотела, чтобы ту ввергли в разоренье два таких хорька, как Фроди и Кальв. Мелькала даже мысль навеститься в Оленьи Поляны и расспросить Снефрид. Асбранд будет недоволен, но случай особый... Что если у Снефрид и правда что-то такое есть?

Однако, высунувшись наружу, Хравнхильд убедилась, что время для хождений неподходящее: все еще мела метель, и чтобы пройти к козам, пришлось отгрести снег от двери. Лошади у Хравнхильд не было, а брести в метель за два роздыха на лыжах будет слишком утомительно для немолодой женщины.

Снова приблизилась ночь. Кари, дико косясь на раненого, ушел со своими пожитками в самый дальний конец помоста и улегся спать. Хравнхильд и сама думала лечь, как услышала хриплый голос:

– Эй, хозяйка!

Она подошла. Свидрир повернул к ней лицо с открытыми глазами, блестящее от пота. Жар снова отступил, но раненый был бледен и дышал с трудом. В груди у него что-то свистело и kloкотало. Воспаление и боль раны в соединении с холодом зимней ночи и усталостью наградили его такой сильной лихорадкой, что даже закаленный морем и бурями викинг был на грани изнеможения.

Взяв чистый влажный лоскут, Хравнхильд стала вытирать пот с его лица, шеи и груди, но этого он не замечал.

– Хозяйка... – повторил он. – Я видел... во сне Одина и всех моих братьев. Тех, что уже шесть лет нет в живых. Они говорят, скоро я буду среди них. Но я могу... если ты найдешь тот ларец... Я могу спасти жизнь себе и им тоже.

– Нельзя спасти жизнь тем, кто уже мертв, – спокойно заметила Хравнхильд. Она допускала, что он и сейчас бредит, но была готова выслушать. – Ты же сказал, они уже у Одина.

– Это так. Один владеет нами... но Фрейр может спасти нас. Их и меня. Это такая вещь. Сильная вещь. Найди ее. Тогда твоей будет сотня серебра.

Хравнхильд двинула углом рта: какой любопытный бред!

– Не веришь? Посмотри, – он слабо двинул рукой, указывая на свой мешок, который так и остался лежать у двери. – Посмотри там, на дне.

Утром, разыскивая сорочку, на дне мешка Хравнхильд видела другой мешок, но подумала, что в нем лежит кольчуга – прошупывалось что-то тяжелое, металлическое.

– Там серебро. Две сотни с лишним. Одну отдай за ларец. Одну возьми себе. Только принеси его.

– Сначала я должна узнать, что это такое.

– Зачем тебе это знать? – Свидрир слегка нахмурился, но рассердиться по-настоящему у него не было сил. – Не спорь. Делай, что говорю... ётуна мать!

– Это ты не спорь со мной. Пока ты так лежишь, это ты будешь делать, что я говорю. Я должна знать все как есть. Речь идет о моей племяннице, и я должна знать, в какое дело ее втравили вы с Ульваром. Пока ты не скажешь мне всю правду, я не сдвинусь с места.

Свидрир промолчал.

– Можешь подумать до утра. Ночью я уж точно не пойду два роздыха через метель, даже посули мне все сокровища Фафнира.

– Это не хуже сокровищ Фафнира, – произнес он наконец. – Это... рог Фрейра.

– Тот, которым он сражался? – хмыкнула Хравнхильд.

– Нет. Жертвенный. С тех пор как сам Фрейр был конунгом, этот рог хранился в святилище... в Каупанге. Мы забрали его оттуда.

– Мы – это кто?

– Мы – люди Стюра. Стюр Одноглазый. Ты слышала о нем?

– Нет. Я живу уединенно и мало кого знаю.

– Это был великий вождь. Он набрал себе в дружину сначала двенадцать человек. Брал только таких, кто мог поднять камень... величиной с барана. Кто не ведал страха. Никогда не вел себя малодушно. Мы были из первых – я, Аслак, Вегард, Асгаут, Ёкуль, Гутторм... Потом нас стало шестьдесят. Мы везде... сражались... на морях... прославились, и никто не мог нам противостоять...

Слабая речь его часто прерывалась натужным кашлем, голос переходил то в хрип, то в шепот, но Хравнхильд терпеливо слушала.

– Мы забрали рог Фрейра и еще много сокровищ. Шесть лет назад нам встретился этот ублюдок... Эйрик, сын какой-то шлюхи, его родной дед не признавал...

– Что? – Хравнхильд вздрогнула и подалась к нему. – Ты говоришь об Эйрике, сыне Анунда и Алов? Внуке Бьёрна конунга?

– Да. Этот рыжий ублюдок. Мол, он должен быть конунгом, но дед его не признал, и он такой же викинг, как и мы. Ничем не лучше. Только моложе и наглее.

Хравнхильд невольно приложила руку к груди. Ее пронзила, будто молния, мысль: он не бредит. О чем-то подобном она слышала, и в таком месте, где не стали бы лгать – в усадьбе Тюлений Камень, где живет госпожа Алов, ее покровительница. Это было давно – пять или шесть лет назад, а разговоры о сражениях на морях Хравнхильд волновали мало, пока ей удавалось успешно делать свое дело и получать за это щедрую награду от госпожи Алов.

И человек, лежащий перед ней, был живым – или полуживым – доказательством ее чародейной мощи. Хравнхильд стиснула кулаки, стараясь не выдать свое потрясение. Как хорошо, что он не знает о тесной связи между нею и Эйриком! Почти никто об этом не знает, и в этой тайне – залог ее безопасности. И тем не менее Хравнхильд не могла унять дрожи: как будто соприкоснулись две тучи, начиненные каждая своим огнем. Вспомнилась лиловая молния, виденная в тот вечер, когда явился Свидрир. Так вот за кем гнался Тор... А она приютила его у себя под крышей...

– Нас уцелело трое, – продолжал между тем Свидрир, так тихо, что Хравнхильд приходилось наклоняться к его лицу. Ноздрей ее касался запах лихорадочного пота, и ей казалось, она слушает хриплый шепот из-под земли. – Я, Аслак и... еще один. Мы унесли рог Фрейра и еще кое-что. Он лежал в таком резном ларце, с оковкой из меди и бронзы. Был замок, а запирал его особый ключ... Мы поделили – ключ взял Аслак, а ларец я. За мной следили... Сигтрюгг что-то унюхал... хотел сам добраться до наших сокровищ. И я... на гостином дворе был тот человек, Ульвар. Мы играли в кости. Я поставил ларец, а он – свой товар. Я проиграл и отдал ему ларец. Взял слово, что он вернет, когда я привезу сотню. И никому не покажет.

– Он никогда не говорил... ни словом не обмолвился! – Хравнхильд верила и не верила, что такое поразительное дело свершилось у нее под носом.

– Он не знал... что там внутри. Я не сказал.

– У него нет ключа?

– У меня тоже нет. Ключ у Аслака. А где Аслак – не знаю. Я сказал, если к нему придет Аслак, ему тоже отдать.

– Так может, он уже приходил? И ларец давно у него?

Свидрир помолчал. Пошевелил веками, обдумывая эту возможность.

– Мы дали слово, – заговорил он, тяжело дыша, – что если кто вернет ларец... то оживит... всех братьев. Нас... двенадцать. Кто был первым. Стюра и других. Тогда у нас будет дружина... которую больше нельзя убить.

– О Фригг! – Хравнхильд отшатнулась, сообразив, что он имеет в виду. – Вы никак решили собрать дружину из поднятых мертвецов?

– Их больше не убить. Рог Фрейра будет давать им силу.

– Кто вам такое обещал? Это бред! Фрейр – владыка жизни, он мог давать силу вашим жеребцам, которые между ног, пока вы сами были живы, но когда вы умерли, он больше не ваш бог.

– Что ты знаешь? – безнадежно пробормотал Свидрир. – Кроме как о жеребцах...

– О силе богов я кое-что знаю.

– Достань... этот ларец.

Хравнхильд задумалась. Существует ларец или нет – это можно узнать у Снефрид. С трудом верилось, что ее племянница могла пять или шесть лет владеть такой поразительной вещью, за которой охотились конунги всех Северных Стран, а она даже не знала об этом. Или Снефрид сама ни о чем не знает? Ульвар мог где-то спрятать ларец, ничего не сказав жене, и тогда он остался где-то на хуторе Южный Склон, за балками, а еще хуже – в окрестностях, под неведомым камнем, где его без Ульвара не найдет никто и никогда...

– Но если у тебя нет ключа, что толку в ларце? – сказала она, помолчав. – Как же его достать? Ломать ларец?

– Нет. Он заклят. Если ларец сломать, рог Фрейра рассыплется в прах. Но его не надо открывать. Если он только будет рядом... он даст мне сил и спасет жизнь.

– Выпей еще этого, – Хравнхильд принесла от очага горшочек с отваром крапивы. – До утра все равно ничего не удастся сделать.

– Утро... сколько я еще проживу? У меня в груди... камень, и дверги... тычут в меня копиями... везде...

Хравнхильд окинула его медленным взглядом, взяла за руку. Жилка на запястье билась очень часто. Свидрир был бледен, на лице и шее его выступил холодный пот.

– Кружится голова? Тяжело дышать?

– Да.

Хравнхильд еще раз осмотрела его. Бледная кожа казалась сероватой, он дышал с натугой, будто таскал камни.

– Может, Фрейр тебе и поможет... но...

– Найди... его... – Свидрир с трудом поднял руку и положил ее на руку Хравнхильд; эта горячая рука показалась ей такой тяжелой, что она с трудом сдержала желание отдернуть свою. – Возьми... серебро.

– Постарайся еще поспать, – посоветовала Хравнхильд. – Утром посмотрим, что можно сделать. Если метель уймется, я, может, схожу к ней... О!

Вдруг ей показалось, что рядом кто-то есть. Она вскинула глаза – за головой лежащего Свидрира стоял еще один мужчина: рослый, с густыми темно-русыми волосами, яркими голубыми глазами. В полуседой бороде было заплетено несколько косичек, украшенных костяными бусинами в виде птичьих черепов. Скрестив сильные руки на груди, мужчина сурово хмурился.

Хравнхильд смотрела на него, широко открыв глаза. Она сразу поняла, что означает это появление.

Потом опустила взгляд на раненого. Тот лежал с закрытыми глазами, не замечая ее волнения, его грудь тяжело вздымалась, из горла вырывался хрип. Рука легла на рукоять положенного рядом меча, будто в оружии он пытался обрести силу для борьбы с терзавшими его невидимыми злыднями.

На этот раз сон его продолжался недолго. Близилась полночь, Хравнхильд еще не решалась лечь, когда заметила, что хрип стал громче. Она подошла, и Свидрир знаком показал, что хочет приподняться. С трудом она подняла его, чтобы он мог сесть. В горле у него что-то клокотало, и жар еще усилился.

– Обещай... – Он так вцепился в ее руку, что она едва не вскрикнула от боли. – Обещай... если придет... наш человек... ты скажешь ему... все.

– Что – все?

– Где ларец... что со мной... что я здесь был... иначе я... приду...

Речь прервалась хрипом, и Свидрир, не в силах сидеть, снова упал на лежанку. Хравнхильд пробрало холодом. Она повидала немало умирающих, но сейчас ей стало жутко: вокруг сгушались зимние тучи, полные лиловых молний, и казалось, что едва эта душа покинет тело, случится нечто страшное.

Свидрир жутко захрипел, будто давясь камнем. Лицо его вдруг приобрело сходство с голым черепом, изо рта полетели клочья розовой пены. Рука дернулась, будто пытаясь схватить Хравнхильд, и она отпрянула в неподдельном испуге, словно он и правда мог уволочь ее с собой в Хель.

– Как твое имя? – закричала она, пытаясь перекричать этот хрип. – Настоящее! Скажи, иначе...

– Х... х... х-р-р-р...

Свидрир пытался что-то ответить, но не мог. В горле у него клокотало, изо рта лезла окрашенная кровью пена... В последнем усилии ладонь упала на рукоять меча. И вдруг он затих.

Тишина в доме показалась оглушающей. Только сейчас Хравнхильд расслышала тихий храп спящего Кари – благодаря своей глухоте, закутавшись с головой в овчину, тот не замечал, что за ужас здесь происходит. Взвыл ветер над кровлей. Хравнхильд не сводила глаз со Свидрира, но тот не шевелился. Грудь его замерла в неподвижности, будто широкий камень. Хравнхильд осторожно положила на нее руку, но ощутила только липкий холодный пот. Сердце больше не билось, и она поспешно, отерев руку о передник, опустила ему веки и крепко прижала. Потом отошла к лохани вымыть руки.

Ее ощутимо трясло. В душе смешались облегчение и страх. Чужой, непонятный, явно опасный человек, принесший новые тревоги, так или иначе ушел. Его больше не было. Но того, что Хравнхильд успела от него узнать, хватило бы на раздумья на всю долгую ночь, даже если бы на краю спального помоста и не лежал мертвец.

Собрав свою постель, Хравнхильд ушла в другой угол, ближе к Кари, и велела обрадованной собаке лечь рядом с нею. Но и так ей мало удалось поспать. Стоило закрыть глаза, как начинало мерещиться, будто мертвец встает и бредет к ней – теперь ему не помеха та слабость, что живому не давала поднять головы. Он схватит ее за горло своими жесткими руками, что лет тридцать пять выпускали весло только для того, чтобы взяться за меч. И сожмет так, что разом выдавит жизнь... Он слишком многое ей доверил, чтобы уйти, не попытавшись взять ее с собой.

Вздвигнув и в очередной раз подняв веки, Хравнхильд увидела, что на помосте возле мертвеца сидит Хравн, со сложенными на груди руками. Его голубые, как у нее самой, глаза взирали на Хравнхильд весьма хмуро. Но это зрелище ее успокоило, и наконец она смогла заснуть, чтобы спать до самого рассвета.

Глава 5

Едва непогода улеглась, на хутор Оленьи Поляны явился гость – Кари с Каменистого Озера.

– Хозяйка зовет тебя прийти! – громким голосом объявил он, увидев Снефрид. – Сейчас, сегодня. Дело нешуточное.

Кари не был глухонемым от рождения, он оглох несколько лет назад после одной драки и говорить мог.

– Что случилось? Она больна? – по привычке спросила Снефрид, но вспомнила, что Кари не слышит ее вопроса.

Однако то, что Хравнхильд пожелала с нею повидаться, когда у Снефрид тоже появилось о чем поговорить, явно было знаком.

– Идем сейчас. Она меня нарочно в путь снарядила, едва рассвело. Уж больно старый хозяин лютовал, – Кари показал на небо, – а нынче вон, унялся. Долю-то свою получил, вот и унялся. Пойдем, пока опять не вышло какой беды. Засветло поспеем.

– Долю свою получил? – Снефрид обернулась к отцу, который уже одетый, сидел на помосте.

Наружу Асбранд еще не рисковал выходить, но по дому передвигался свободно.

– Неужели старикан поймал другого беднягу, вместо меня? – воскликнул он. – Но если она настаивает, тебе и правда стоит выйти поскорее, пока опять не замело.

– Наверное, я там переночую, не жди меня сегодня, – сказала Снефрид и ушла одеваться.

Тронулись в путь таким порядком: впереди Кари шел на лыжах, прокладывая путь, а следом Снефрид ехала верхом на Ласточке, осторожно ступающей по глубокому снегу. День был хмурый, но тихий, все указывало на то, что скоро потеплеет и снег начнет таять.

До Каменистого Озера добрались еще засветло. Снефрид спешила у крыльца жилой части строения, Кари повел Ласточку в хлев – расседлать и покормить. Перед дверью видны были козьи следы – хозяйка выпускала маленькое стадо погулять после долгого заточения.

Войдя, Снефрид сразу увидел тетку, сидящую у очага с вязанием в руках.

– Вот и ты, – Хравнхильд встала, без обычного ехидства, как-то по-новому пристально глядя в Снефрид. – Иди сюда, обогрейся. Вот лепешки. Хочешь отвара ромашки?

– Хочу, – Снефрид улыбнулась. Растроганная такой непривычной добротой, она едва подавила в себе желание обнять Хравнхильд: видно, та особенно соскучилась одна за время непогоды. – Вижу, к счастью, ты здорова. Что-то случилось?

– Какие у вас новости? – Хравнхильд уклонилась от ответа на этот вопрос, подвинув к ней горшочек с теплым душистым отваром. – Положить мед? У меня есть, госпожа Алов еще осенью прислала целый бочонок.

– Нет, я не люблю мед в ромашке, выходит слишком сладко. У нас есть новости. Мой отец очень сильно хворал в эти дни...

– Что? – Хравнхильд едва не подпрыгнула, изумленная этой вестью. – Отчего же?

– Он ходил «лежать на кургане», ему был нужен совет Хравна, – не без смущения пояснила Снефрид. – И когда он вернулся, Хравн не захотел его отпускать, и несколько дней его мучила жестокая лихорадка.

Хравнхильд смотрела на нее своими огромными голубыми глазами, будто перед нею вставал из моря Змей Мидгард.

– Но что, во имя Отца Колдовства, твоему отцу понадобилось от моего?

– У нас появились... плохие новости... об Ульваре.

– Что? – Хравнхильд снова подалась к ней; казалось, каждое произнесенное племянницей слово потрясает ее заново. – А у вас какие новости?

– У нас? – Снефрид услышала, что тетка голосом выделила эти слова. – А у тебя? Ты тоже слышала?

– О чем, во имя Хрофта?

– О том, что никакие викинги его не грабили...

Побуждаемая настойчивыми расспросами, Снефрид пересказала тетке всю их с отцом поездку в Лебяжий Камень, а потом его болезнь. Хравнхильд слушала жадно, и хотя рассказ о том, как Снефрид и Фроди бросали кости для решения дела о сватовстве, вызвал у нее смех, из широко раскрытых глаз не уходило потрясение и еще некая тайная мысль, будто она видит в этом рассказе не тот смысл, который открыт самой рассказчице.

Когда Снефрид закончила, Хравнхильд еще некоторое время сидела молча, глядя перед собой и обдумывая все услышанное.

– Отец говорит, что наши дела не так уж дурны, – добавила Снефрид. – Если Ульвар жив, как ты говорила, то никто не в праве спрашивать его долгов *с меня*. Пусть-как ищут его самого, где-нибудь в Грикланде, и требуют с него своих денег.

– А что бы ты сказала, – прищурившись, Хравнхильд взглянула ей в глаза, – если бы я дала тебе те деньги, каких не хватает для выплаты ваших долгов?

Теперь Снефрид уставилась на нее в полном недоумении. Она знала, что тетка не склонна ни к лжи, ни к шуткам, но и полагать ту настолько богатой, чтобы ждать от нее десятки эйриров серебра, у нее поводов не было.

– Не хватает семьдесят два эйрира! – напомнила Снефрид.

Хравнхильд знаком предложила ей встать, провела к спальному помосту, взяла со стола большую миску из-под сыра, потом подняла какой-то мешок и с усилием опрокинула над миской.

Послышался звон, и в деревянную миску хлынул поток серебра. Здесь были сарацинские шеляги, франкские денье, греческие милиарисии, если Снефрид правильно их узнала, – одни новые и блестящие, другие старые и потертые, целые и в обрубках. Были искусно сделанные витые кольца и узорные застёжки, несколько браслетов на широкую мужскую руку, были и просто куски серебряной проволоки или дров, согнутые в виде кольца, чтобы удобно было носить на пальце или на запястье. Были какие-то обломки, части разрубленных украшений. Снефрид только раз видела такую кучу серебра – когда Фридлейв при свидетелях передал ей плату за Южный Склон, а она тут же вернула ему треть в счет долга. Теперь же она не поверила своим глазам и осторожно опустила руку в миску – убедиться, что ей не мерещится. Она ожидала, что ее пальцы обожжет, а содержимое миски тут же превратится в уголь, но серебро осталось серебром.

– Тебе что... тролли принесли сокровище? – вырвалось у нее. – Старый Хравн открыл перед тобой чей-то богатый курган?

Мелькнула было мысль о щедрости госпожи Алов – обычном источнике всех прибытков Хравнхильд, – но сокровище было слишком велико для подарка. Что же потребовалось бы от Хравнхильд взамен?

– Тот, кто это принес, весьма походил на тролля, – медленно выговорила Хравнхильд. – Идем со мной, и я покажу тебе его. Возьми шубу, хотя это близко.

Накинув на плечи шубу, Снефрид вслед за теткой вышла из дома и тут же свернула к той двери, что вела в кладовку. Дверь Хравнхильд оставила широко открытой – света снаружи еще хватало, чтобы разглядеть, что внутри. Снефрид недоумевала: холодная кладовка зимой мало подходила для того, чтобы помещать в нее гостей.

– Вот он. – Хравнхильд остановилась возле скамьи, на которой лежало что-то вроде толстого бревна, завернутого в старую коровью шкуру. – Смотри.

Не успела Снефрид еще сильнее удивиться, как тетка откинула край шкуры. Снефрид вскрикнула от неожиданности: перед нею оказалось лицо совершенно незнакомого мужчины

с широким носом, крупными грубыми чертами и рыжеватой бородой. Глаза были закрыты, но больше всего ее поразило то, что на первый взгляд на этом лице было два рта: один где положено, а второй на левой щеке, чуть выше. Но тут она разглядела запекшуюся кровь и поняла: это рана.

Хравнхильд молчала, не мешая племяннице разглядывать покойника.

– К-к-кто это? – наконец дрожащая от потрясения Снефрид подняла на нее глаза.

И тут же ей пришла мысль: это и есть тот питомец Хравнхильд, чью судьбоносную нить тетка пыталась ей передать, сын госпожи Алов. Он мертв! Погиб в какой-то схватке, и ее помощь больше не нужна. Снефрид не понимала, что в ней сильнее: облегчение или ужас. Надо было радоваться, что больше никто не заставит ее сделаться вирд-коной и «медвежьей женой», но накатил испуг: может, своим отказом она и вызвала эту гибель! Ведь Хравнхильд говорила, что слабеет и не справляется одна...

– Он пришел из метели и назвал себя Вегтамом. И Видриром. И Хникаром, и Ханги. На имя Вавуд он тоже соглашался. Я звала его Свидриром. Известны ли тебе эти имена?

Снефрид молчала. Не так уж она была несведуща, чтобы не знать, как именовал себя Один в различных своих странствиях. Ее взгляд не отрывался от лица покойника: у Одина нет одного глаза, но и эта рана на щеке мертвеца, схожая с вторым ртом, все же казалось ей доказательством его неземной сущности. Снефрид дрожала все сильнее. Такие гости не являются просто так...

– Он принес вести о твоём муже, – слышала она голос Хравнхильд, ровный и значительный, как голос норны. – И еще принес серебро. Оно предназначено тебе. Считай это подарком от своего беглеца.

– Э-то что – его награда... за службу кейсару Миклагарда? – Снефрид с трудом перевела взгляд на тетку, сама не уверенная, шутит или правда считает это возможным. – Ты говорила, что он нажил богатство...

– Нет, это не награда. И не дар. Ты сможешь взять это серебро в уплату за одну вещь... если она у тебя есть.

– Какую вещь? – Глаза Снефрид раскрылись еще шире, хотя уж куда, казалось бы.

Этот... странник под именем Одина явился из метели, собираясь что-то у нее купить? Может, круг козьего сыра? Отрез полотна?

– Пять или шесть лет назад твой муж привез домой удивительную вещь – красивый ларец. Сказал, что выиграл его в кости, но это не полный выигрыш, а залог, и его нужно будет вернуть хозяину, когда тот привезет деньги. Вот это – хозяин. Деньги ты видела. Тебе что-то известно о таком ларце?

Снефрид молчала, плотнее стягивая на груди полы накинутой шубы. Было чувство, словно она сидит в лодочке, которую гонит мощный вихрь, то и дело меняя направление. Груда серебра в деревянной миске для сыра – незнакомый покойник – весть об Ульваре – ларец... Все это потрясало ее заново, и теперь она плохо ощущала земляной пол под ногами.

– Я замерзла... – пробормотала она. – Может, вернемся в дом?

Хравнхильд нарочно завела этот разговор прямо здесь, над телом, в надежде, что испуг и изумление развяжут племяннице язык. Прямую просьбу уйти отсюда она не могла отвергнуть, да и кое-какой ответ она уже получила.

Снефрид же не сказала: «Какой ларец? Никакого ларца я не знаю». Она могла бы солгать, если бы успела подготовиться, но она промедлила, вспоминая, а значит, ей *было* что вспомнить.

– Идем.

Хравнхильд немного задержала взгляд на лице покойного, а потом накрыла его краем шкуры.

Они вернулись в дом и сели у очага. Снефрид протянула руки к огню, будто ища у него дружеской поддержки.

– Это все так странно! – Она бросила беглый взгляд на тетку, понимая, что та ждет ответа. – Что еще он рассказал? Кто он вообще такой? Откуда взялся? Не ётун же он, родившийся прямо из метели!

– Он, сдаётся мне, из тех людей, что привыкли кричать «Один владеет мной!»¹⁶ и никогда не пируют у огня, под закопченной крышей. Его судьба однажды пересеклась с судьбой Эйрика, сына Алов, и та встреча погубила почти всех его товарищей. Но у них имелось некое большое сокровище, взятое в святилище Фрейра. Нечто такое, что способно исцелять болезни и воскрешать мертвых...

– Правда?

– Он так сказал. И он хотел вернуть это сокровище, чтобы оживить своих погибших побратимов и собрать дружину, которую невозможно больше убить... По его словам, он пять или шесть лет назад проиграл это сокровище в кости... твоему мужу. Оно у тебя?

Снефрид молчала. Ларец был у нее – обернутый в мешковину, лежал на дне ее ларя с крашеной одеждой, запертого на большой железный замок. Ключ висел у нее на груди, под застежкой, на бронзовой цепочке. Да, Ульвар говорил, что за этим его выигрышем могут прийти и принести деньги – сотню серебра.

– Как было имя того человека? – задумчиво спросила она.

– Я тебе перечислила его имена. Повторить?

– Не надо, я помню. Среди них нет имени хозяина ларца.

– Но это же не настоящие его имена! Он не хотел, чтобы кто-то о нем знал. Слишком привык скрываться, даже умирая, пытался сбить врагов со следа.

– Я знаю имя того человек, у кого Ульвар выиграл ларец. И никому другому я его не отдам. Даже если он назовется Свидриром, Хрофтом, Альфёдром, Бивлинди, Фьёлниром, Харбардом¹⁷ и так далее.

– Кажется, он пытался назвать настоящее имя, – неуверенно сказала Хравнхильд. – За пару вздохов до того как умер. Оно начинается на Хр... Может, Хрейдар, или Хринг, или что-то в этом роде. Но может, это был просто предсмертный хрип.

– Стало быть, мы не знаем, кто он и имеет ли право на ларец. Ты сама понимаешь – дорогой залог нельзя отдать первому, кто пожелает, если он не докажет, что имеет право.

– Но если бы он не имел права, откуда бы он знал о ларце, о выигрыше, о том, что он у вас, о сумме залога?

– О, мало ли откуда! О нем могли знать несколько человек. А кто-то из них мог проболтаться. Спяну похвастался, или... его силой заставили выдать тайну.

– Но какая тебе разница? Ведь деньги он принес. А тебе они очень нужны.

– Я не отдам залог невесть кому. Что если потом явится настоящий хозяин? Или тот человек, у кого ключ? Что я буду ему отвечать? И я, и Ульвар окажемся опозорены, а на нем и так слишком много висит!

– Если ты возьмешь эти деньги, то сможешь успокоить Фроди и Кальва, они отвяжутся от тебя, а твой муж вернет доброе имя. Ты сможешь дальше спокойно жить с отцом...

Снефрид задумалась. Она утаила от тетки часть пророчества Хравна, ту, где он предостерег ее от опасности, если она останется одна. «Волки сбросят овечьи шкуры...» Уж конечно, он имел в виду Фроди и Кальва. Если она отдаст деньги, им придется оставить ее в покое, даже если она и лишится защиты отца.

¹⁶ Боевой клич.

¹⁷ Имена Одина.

– Но послушай... – Снефрид взглянула на тетку. – Ведь этот человек умер. Он больше *не может* забрать ларец. Даже согласись я – что мы стали бы делать? Положить ларец с ним в могилу? Ты сама собираешься его хоронить?

– Тебе стоило бы отдать этот ларец мне, – медленно и внушительно произнесла Хравнхильд. – С тех пор как я все это узнала, я кое-что поняла. Твоему мужу не стоило брать эту вещь. Он всегда был слишком легкомысленным и ввязывался куда не надо. Мог бы догадаться, что опасно брать неведомое сокровище, которое как раз в то время пытался заполучить Сиг-трюгг, конунг данов. Он шел по следу Свидрира и только чудом не заметил, как ларец перешел к твоему мужу. Но это была не вся опасность, а только малая часть. Сокровище похищено из святилища Фрейра, и на нем лежит проклятье. Он привез его пять лет назад, верно?

– Да, – тихо подтвердила Снефрид.

– И через лето сгинул, тоже верно?

– Да, – еще тише сказала Снефрид.

– В его бедах повинен ларец. У твоего мужа нет ни сил, ни знаний, чтобы управиться с такой сильной вещью. Да и у тебя тоже. Сама посмотри. Вот уже третью зиму ты живешь не женой и не вдовой, зависнув между жизнью и смертью. Тебе пришлось продать хутор. Потом эти двое стали домогаться денег, а теперь еще получили такое оружие – известие, что твой муж проиграл их товар. Он, кстати, и в тот раз играл на товар, но ему повезло...

– Вот видишь! – Снефрид вскинула глаза. – Он не всегда проигрывал, у него есть удача!

– Это *неудача*, что он выиграл в тот раз! Неудача, что он вообще повстречался с тем человеком! – Хравнхильд кивнула на стену, за которой была кладовая. – Если бы он не сел с ним играть, не выиграл бы ларец, он бы не ввязался в ту беду на Готланде и не оказался вынужден бежать! А теперь опасность грозит и тебе! Отдай мне ларец, и все еще наладится. Может, даже Фрейр отведет от вас свой гневный взор и твой муж сможет вернуться домой. И *получит право* вернуться, потому что этими деньгами ты выплатишь его долги.

Снефрид задумалась. Вспомнился тот день, когда Ульвар, вернувшись осенью из поездки, с важным видом вынул из мешка небольшой ларец резной кости, тонкой работы, украшенный полосами меди и бронзы. Яркий, нарядный. «Смотри, как мне повезло! – гордо сказал он. – В тот день все норны и дисы меня расцеловали, как любимого сына! Тот лосось выбросил два, а я – четыре, и вот мой выигрыш! За эту вещь мне обещали заплатить сотню серебром, да здесь только сам ларец стоит половину того! Что же там внутри!»

«Что там внутри?» – спросила изумленная Снефрид; пожалуй, ни разу ей не приходилось еще видеть такой дорогой и искусно сделанной вещи. Это ларец подошел бы королеве, чтобы хранить в нем самые дорогие уборы.

«Я не знаю! – честно сказал Ульвар. – Тот человек, Хаки, мне не сказал».

«Хаки?»

«Да, его зовут Хаки, а прозвище Тюленьи Яйца. Такое не забудешь. Он сказал только, что здесь заперто величайшее сокровище Северных Стран и оно приносит удачу. Я выиграл величайшую удачу, и теперь увидишь, как хорошо пойдут все наши дела! Вот только ключа нет. Он остался у другого человека, но если тот придет, ему тоже нужно отдать».

«Но как мы узнаем, тот ли это ключ?»

«Он какой-то особенный, и сразу будет видно, что именно этот ключ подходит».

Обманулся ли Ульвар в своих надеждах? На первый взгляд – да. Все их неприятности Хравнхильд перечислила верно. Но... у малых волн мудрости мало. Корабль, на котором Ульвар должен был ехать с дорогим товаром с Готланда в Хедебю, был ограблен викингами. Все плившие на нем люди попали в плен, и вот только один из них два года спустя был замечен – у кого-то в рабстве. Окажись Ульвар на том корабле – он мог бы погибнуть или стать рабом. И товар все равно пропал бы. А так он жив и на свободе, с надеждой поправить свои дела. Так если она сейчас возьмет и отдаст ларец Хравнхильд – не погубит ли она тем удачу Ульвара в

тех далеких краях, где он сейчас? Да и свою тоже – ведь им ничего не грозит, пока Фроди и Кальв не нашли свидетелей проигрыша товара. Пока удача в ее руках – они никого не найдут, и все их угрозы останутся словами...

– Я не могу... отдать тебе ларец, – наконец произнесла Снефрид, не глядя на тетку. – Я не знаю... где он. Куда Ульвар его спрятал.

– Ты лжешь! – гневно воскликнула Хравнхильд. – В жизни не поверю, чтобы этот простофиля не похвастался перед тобой, чтобы ты не знала, где он держал такую вещь!

Снефрид вместо ответа лишь повела плечом.

– Фридо, не глупи! – настойчиво продолжала Хравнхильд. – Тебе не по силам владеть такой вещью! Не по силам! Ты как ребенок, что взялся поиграть мечом – невзначай сама себя зарежешь насмерть, не успеешь и понять как! Отдай его мне, и все еще наладится! Я спрошу у дис, как нам быть с ним, как обратить его силу себе во благо. Тебе и твоему мужу от этого будет только лучше. Держать это у себя для тебя опасно! Даже и потому, что за ним может прийти кто-то еще! Пусть лучше он явится ко мне, чем к тебе! И подумай о деньгах. Ты выплатишь долг, восстановишь честь, обретишь покой, ничего не потеряв из своего. Нужно быть глупой, как курица, чтобы отказаться от такой возможности!

– Пусть дисы расскажут тебе, где этот ларец, – тихо, со скрытой обидой ответила Снефрид.

– Так-то ты любишь своего мужа! Не хочешь помочь ему восстановить свою честь и вернуться домой, когда все это у тебя в руках!

– Не учи меня, как любить мужа! – Теперь Снефрид по-настоящему рассердилась и встала. – Что ты знаешь о любви? Ты никогда не была замужем, даже не собиралась! Ты знаешь только своих берсерков – этих бешеных мужиков, но я даже думать не хочу, что за любовь у вас с ними случалась!

– Да уж где тебе, глупая девчонка! – Хравнхильд тоже встала, ее голубые глаза засверкали. – Для такой любви нужна смелость и разум, а не куриные мозги и козье упрямство! Пока не поздно, послушай меня! Я предлагаю тебе спасение! Иначе ты пожалеешь о своем упрямстве! Пока ларец у тебя, не увидишь ты ни мира, ни покоя! Скоро тебе придется бежать из дома, и ты будешь бежать, не имея времени присесть, как лист на ветру, пока не достигнешь того места, где ключ подойдет к замку!

Произнеся эти слова, Хравнхильд вдруг сама вытаращила глаза и прижала пальцы ко рту. На лице ее мелькнул испуг и недоумение – кажется, она вовсе не собиралась этого говорить.

– Вот как? – Снефрид широко раскрыла глаза.

Это уже было похоже не то на проклятье, не то на пророчество, и у нее похолодело внутри от мысли, что в эти мгновения она навлекла на себя гнев не только тетки, но и тех сил, что стоят за нею.

– Где же это будет?

– На самом краю света, на границе Утгарда, – тихо выговорила Хравнхильд, напряженно вслушиваясь во что-то глубоко внутри своего разума.

Они помолчали, переводя дух. Потрясенная Снефрид не смела даже спросить, что означает это пророчество.

– Мне пора, – сказала Снефрид в надежде, что когда она выйдет из этого дома, все пугающие тайны останутся позади.

– Обожди, – Хравнхильд постаралась взять себя в руки. – Уже темнеет.

– Ничего. Дорога не опасна, я успею до ночи.

Снефрид надела шубу как следует и вышла, чтобы оседлать Ласточку. Уже и правда темнело, но ей не хотелось оставаться рядом с теткой. Ее слишком потрясло услышанное, и она боялась, что поддастся соблазну разом отделаться от всего – от чужих тайн и своих долгов, –

отдав тетке ларец. Ей хотелось обдумать это все в тишине и одиночестве. Может быть, посоветоваться с отцом...

Хравнхильд вышла из дома, чтобы посмотреть, как Снефрид подводит Ласточку к большому камню у ограды – сейчас он едва виднелся из-под снега – и садится в седло. Но не сказала больше ни слова. Отъехав, Снефрид обернулась – тетка так и стояла у двери, глядя ей вслед. И никогда еще она не казалась Снефрид так сильно похожей на норну у девяти корней мира.

* * *

Через несколько дней, когда снег почти растаял, Хравнхильд стояла над ямой глубиной в два локтя, вырытой на опушке ельника, на самом краю родового погребального поля. Может, бабки и деды будут не слишком рады соседству чужака, но Хравнхильд полагалась на то, что Хравн не позволит тому бесчинствовать. Кари, кряхтя и ворча, вырыл эту яму, а потом они вдвоем, сделав из жердей волокушу, приволокли сюда тело гостя из метели. Завернутое в коровью шкуру и обвязанное веревкой, оно уже покоилось на дне ямы.

– Вот твой мешок, – Хравнхильд наклонилась и положила тяжелый, чуть слышно звякнувший мешок в ноги покойного. Меч уже лежал у него под правой рукой, и при свете дня рукоять с серебром и золотом сияла, как звезда, случайно скатившаяся с неба прямо в яму. – Все, что ты принес в мой дом, ты забираешь с собой. Я не взяла у тебя ничего. Твой ларец – если он и правда твой – выкупить не удалось, но то не моя вина, и твое серебро осталось при тебе. Я не взяла себе ни кусочка. Да владеет тобой Один, а меня тебе не в чем упрекнуть.

Она сделала знак работнику, и Кари принялся засыпать яму землей. Рядом лежали приготовленные камни – Хравнхильд сама собрала их, чтобы покрыть могилу сверху и не дать лисам добраться до тела. А покойнику – выбраться наружу.

– И самое главное, что ты уносишь с собой, – пробормотала она, глядя, как комья земли со стуком падают на коровью шкуру, все плотнее ее укрывая, – это твое настоящее имя...

Глава 6

Настал первый день месяца гои¹⁸ – тот самый день, когда Фрейр, утомленный долгой зимней скукой, выходит из своего дома на краю неба и садится на престол Одина, чтобы оглядеть Средний Мир – не пора ли ему просыпаться? Еще лежит снег на земле и лед на воде, люди сидят в душных домах, а из отверстий под кровлями тянется опостылевший дым. Все в мире дремлет, но от солнечного луча исходит чуть заметное тепло – или это лишь надежда? Но нет – невесомый, этот луч, однако, исподволь разрушает снеговую броню. Солнечный свет впервые за много месяцев кажется свежим, необычайно ясным, будто промытым. Веет запахом талого снега, оттаявшей земли; сам по себе слабый, этот запах кружит голову, даже на языке появляется пресноватый вкус талой воды. За этим запахом стоит светлый летний мир – тепло и воля, густая зеленая листва, мягкая трава, пестрота цветов и сладость ягод, солнечное тепло, что проникает в кровь и наполняет жизнью. Фрейр жадно впитывает этот запах всем существом, в крови его закипает огонь страстного желания – нести в мир новую жизнь, делать то, для чего он предназначен.

Он видит: глубоко-глубоко внизу блестит чистый, белый, прохладный свет, будто на дне мироздания затерялась ледяная звезда. Фрейр вглядывается, проникая взглядом все ниже сквозь миры – через девять корней, через девять ступеней, – и наконец различает: в далеком Ётунхейме на пороге дома из огромных камней стоит рослая дева, и свет струится из рук ее, озаряя горы и море. Страсть вспыхивает в груди молодого бога, все помыслы стремятся к ней. Но он, житель небесного мира, не может проникнуть в Ётунхейм, в нижние миры, где обитают лишь мертвые. Ему нужен посланец – Скирнир, не ас, не ван, не альв, а человек, способный пройти через ворота смерти. Он возьмет у бога коня, что пронесет его сквозь пламя – иначе ему не попасть в туманную Хель, – и меч, что разит великаний род. Но и когда он достигнет жилища Герд, дело еще не сделано. Она не боится меча – ее отец может постоять за себя. Ее не прельщают золотые яблоки жизни и волшебное кольцо – в доме ее отца достаточно золота. Убедить ее удастся лишь при помощи волшебного жезла: если она не прислушается к мольбам Фрейра, то навек останется стражницей мира мертвых, испытывая тоску, безумье и беспокойство. Она отвергает власть и военную силу, но могучей волшебне не подчиниться не может.

Время для счастья пока не настало – это лишь сватовство. Брак свершится еще не скоро – три месяца пройдет в земном мире, пока минуют девять ночей испытания Фрейра, пока Герд достигнет тихой рощи, куда не долетает ветер от крыльев Орла и где кончается власть мира мертвых...

* * *

Человек, проснувшийся в первый день месяца гои рано утром, если и походил на Фрейра лет пятьдесят назад, давно уже это сходство утратил и теперь напоминал ётуна, старого отца Герд. Бьёрну конунгу шел восьмой десяток, его борода и волосы поседели, некогда грозное лицо покрылось морщинами, спина согнулась. Но для этих лет он был удивительно бодр, а разум его оставался таким же ясным, как в молодые годы. Те обязанности, которые требовали телесных сил, он уже лет двадцать как передоверил своему сыну Олаву, но суд и управление страной держал в морщинистых руках. Он лежал на пышной лежанке – слишком широкой для него одного, – где по углам высились резные столбы, а слой соломы покрывала пуховая перина и подушки. Укрывался конунг одеялом из драгоценных черных соболей на шелковой подкладке, с простынями из тончайшего белого льна. От возможных сквозняков все стены

¹⁸ Месяц гои начинался в середине февраля.

спального чулана были завешаны огромными медвежьими шкурами (на северной стене висела белая) и ткаными коврами: один изображал торжественное шествие богов, верхом на лошадях и на колесницах, валькирий с щитами и рогами в руках, другой – битву при Бровеллире. Когда в малом покое горели фитили бронзовых светильников, Бьёрн конунг мог подолгу разглядывать эти шествия и воображать, как и он когда-нибудь присоединится к свите Одина. А перед этим придумает для увеличения своей славы что-нибудь не хуже, чем Харальд Боезуб, который затеял целую войну, лишь бы умереть с мечом в руках, и добился, чтобы его поразил сам Один. Но не сейчас. Он пока не торопится.

Просыпался Бьёрн конунг всегда очень рано, даже раньше, чем служанки начнут свою суету в теплом покое за стеной. В конунговой усадьбе в Уппсале для пиров имелся отдельный огромный покой с очагами во всю длину, а жил конунг в доме, где помещался только он с челядью и небольшой ближней дружиной. Сквозь стену ему было слышно, как в теплом покое принимаются за дела: выгребают вчерашнюю золу с очагов, заново разводят огонь, собирают грязную солому с пола и настилают новую, как чистят столы, готовясь подавать еду.

– Хольти! – окликнул Бьёрн конунг, не поворачивая головы. – Спишь, хитрый пес? Пора тебе подниматься.

– Я вовсе не сплю, конунг. – В ответ на этот призыв некий человек поднялся с пола, где дремал на подстилке возле конунговой лежанки. – Думал, ты еще не проснулся, не хотел беспокоить.

– Мне нельзя долго спать – так и жизнь пройдет. А тебе пора собираться в дорогу.

– Слушаю, конунг.

Мужчина лет тридцати или чуть меньше, стоявший возле лежанки, провел рукой по лицу, стирая остатки сна, и одновременно прикрыл зевок. Вид у него был довольно приятный – мягкие черты, длинный нос со вдавленной спинкой, изогнутые густые брови. Хитрые глаза его всегда имели доверительное выражение, но надо сказать, им никто не верил; лукавство было так и написано на этом лице, и всякий понимал, что хоть любимый конунгов раб и выражает всем своим видом готовность услужить, на самом деле он себе на уме и принимает близко к сердцу лишь собственное благо. Конунг понимал все это не хуже других, но верил, что сможет обратить хитрость раба себе на пользу. Низкий лоб Хольти – кожа на нем так забавно собиралась в складки, когда он в раздумье двигал бровями, – тем не менее давал пристанище достаточному количеству ума. Глупому человеку Бьёрн конунг не стал бы доверять: даже преданный дурак может выкинуть нечто такое, до чего и враг не додумается. Надежнее будет служить хитрец, если внушить ему, что ваши выгоды совпадают.

– Наступает весна, – заговорил Бьёрн. – Тает лед, скоро корабли смогут выйти в море. Меня беспокоит этот ублюдок, этот берсерк... Ты знаешь, о ком я.

– Конечно, конунг. – Хольти поморгал заспанными глазами. – Об Эйрике сыне Алов. Но он же еще летом убрался куда-то на Зеландию. С тех пор как он вроде помирился с Торберном, его там охотно принимают, тебе назло...

В этом доме Эйрика Берсерка никогда не называли сыном Анунда, а только сыном Алов, будто отца у него вовсе не было, а с тем не было и прав на Бьёрново наследство.

– Вот именно. Он слишком давно там сидит. Это мне и подозрительно. Не задумал ли он что-нибудь опять против меня? Он же сказал, что так не оставит этого дела – когда в тот раз требовал у меня часть моих владений. Близится седьмое лето, как... Мою судьбу требуется подкрепить. Я хочу, чтобы ты поехал к моей старой кормилице и сказал ей вот что...

Он сделал знак, и Хольти почтительно наклонился над лежанкой.

– Пусть она сделает так, чтобы Эйрик этим летом пришел сюда к нам. А я уж буду готов его встретить как подобает. Я хочу покончить с ним, чтобы не искать его по всем морям и не ждать, что он внезапно выпрыгнет откуда-нибудь, как тролль из мешка, и опять станет грабить мои владения или корабли моих людей. Ты понял?

- Но ты ведь еще не говорил Олаву...
- Олав все узнает в свое время. Ты, пес, знаешь больше, чем сын конунга, ты гордишься этим?
- Я твой раб, конунг. Мне не пристало гордиться.
- Хорошо, что ты знаешь свое место, – проворчал Бьёрн. – Ты будешь награжден. Ты сможешь осуществить твою месть моими руками, руками конунга – скажи, хоть еще одному рабу на всем свете так повезло?
- Ни одному рабу на свете, конунг, – привычно подтвердил Хольти.
- Цени это. А когда ты ему отомстишь, когда мне наконец надоест жить, я возьму тебя с собой в Валгаллу. Даю тебе слово конунга. Как бы ты еще попал туда, если бы не моя доброта? Ждала бы тебя Мокрая Морось, и спал бы ты на мокрой тощей подстилке, и терзал бы тебя вечный голод, и жажда, и тоска была бы твоей ежедневной пищей, а густой туман и дым – воздухом. В Валгалле я вновь буду молод, а ты будешь прислуживать мне и каждый день получать мясо и пиво, не хуже иных витязей. Ну, кому еще так повезло?
- Никому, конунг.
- То-то же. Отправляйся в дорогу, я хочу, чтобы к Дисатингу все уже было улажено. И тогда на пиру я прикажу собирать войско, чтобы к началу лета охотники были готовы и дичь прибежала прямо на копья и стрелы.
- Ты очень добр, конунг.
- Что? – Мохнатые брови сдвинулись.
- Ты очень добр ко мне и к твоей кормилице. Прикажешь отвезти ей обычные подарки?
- Отвези. И не засиживайся там. Как начнешь чесать языком со всем ее бабьем...
- Да где уж мне, конунг? Разве будут такие благородные женщины обращать внимание на раба?
- Не прибедайся. Ты и к богам сумеешь подольститься.
- Это все только ради службы, конунг... – Хольти еще раз прикрыл рукой зевок. – А сам я хоть сто лет не видел бы ни одной бабы.

* * *

Выехав в то же утро, Хольти, верхом на конунговой лошади, ведя за собой в поводу вторую, нагруженную мешками, весь день двигался на юго-восток. Путь его лежал вдоль бесчисленных рукавов, мысов и бухточек огромного морского залива, далеко вдававшегося в сушу. Будучи на деле частью моря, назывался он Логринн, что означает просто Озеро. Самых неровных очертаний, разбросав длинные узкие заливы, будто дерево ветки, Озеро омывало тысячи островов, от огромных и густонаселенных до голых скал, где могли жить лишь чайки. Оно составляло целую водно-островную страну, на севере доходившую почти до Уппсалы, а с востока на запад занимавшую более десяти дневных переходов. В середине его, на одном из островов, помещался богатый вик Бьёрко, а если идти от Бьёрко на восток, то через пару дней, после пространства бесчисленных шхер, то есть просто «скал», начиналось Восточное море¹⁹. По берегам Озера на каменистых возвышенностях в изобилии росли ели, дубы, березы; в заливах, где под сенью ивовых ветвей летом цвели кувшинки, гнездились гуси, утки, лебеди. В теплую пору в изобилии цвел шиповник, покрывая нежным румянцем серые и бурые скалы. На берегах и островах жило множество людей – часто встречались усадьбы и хутора. На невысоких, покрытых лугами и рощами островках паслись козы и овцы, которых вывозили туда из усадеб на все лето и дважды в день женщины отправлялись к ним на лодке – доить. По синей воде сновали рыбацкие челны. Но до теплой поры еще было далеко, и сейчас Хольти, проезжая

¹⁹ Восточным у древних скандинавов называлось Балтийское море.

вдоль неровных берегов, видел белесый старый лед меж камней, который постепенно истончался, чтобы дать место свинцово-серой воде.

К вечеру Хольти прибыл к усадьбе, хорошо ему известной, носившей название Дубравная Горка. В молодых и зрелых годах Бьёрн конунг несколько раз в год посещал ее сам: тогда говорили, что здесь живет его кормилица, старая Унн. Лет двадцать назад она умерла, и с тех пор Бьёрн посылал подарки ее дочери Трудхильд, своей молочной сестре. Кое-что не вязалось: Трудхильд, хозяйке усадьбы, на самом деле было за шестьдесят; возраст почтенный, мало кому удастся до такого дожить, но она не могла быть молочной сестрой конунга, который старше ее лет на двенадцать. Впрочем, едва ли кто знал в точности ее годы, да и годы конунга. Кто станет совать нос в такие дела? Даже если кто и думал, будто Бьёрна некогда связывала с Трудхильд любовная страсть, подозревать в ней седых стариков было глупо, да и обязанность отвозить подарки он давно передал Хольти.

За давностью лет во всей стране нашлось бы очень мало людей, понимавших истинную природу связи Бьёрна конунга с женщинами из Дубравной Горки. А те – давно покойные сплетники сорокалетней давности, – очень удивились бы, если бы узнали, что Бьёрн конунг ни разу не видел лица Трудхильд...

Солнце садилось; серые плоские облака полосами лежали на светло-желтом небе, подсвеченные густым ягодным цветом. Эти же облака в точности отражались в спокойной воде озера, и оттого казалось, что ближний плоский остров – лишь тонкая полоска растительности, вдруг выросшая посередине сплошного желто-серо-багряного пространства неба.

Хольти въехал в ворота, но на него не обратили внимания, пока он не спешился у крыльца большого дома. Возле двери стояла крепкая девушка лет двадцати, в простом платье из светло-серой шерсти, в бурой накидке.

– Привет и здоровья тебе, госпожа Ингвёр! – Хольти отвесил ей почтительный поклон. – Стоишь ждешь, пока там наверху, – он показал на небо, – кое-кто выйдет оглядеть землю? Тебя-то он сразу приметит: лицо твое сияет, будто солнце.

Он намекал на многочисленные веснушки, от лба до подбородка усеявшие круглое лицо девушки. Не считая этого недостатка, она была весьма миловидна – с немного вздернутым носом, красиво изломленными на внешнем конце бровями, глазами глубокой синевы.

– Хольти! – Девушка тоже его узнала. – А ты никак явился предложить мне золотые яблоки жизни и волшебное кольцо²⁰?

Хольти виновато развел руками:

– Я привез два мешка подарков, но тот, кто их вам посылает, не очень похож на Фрейра, прямо говоря.

– Здоров ли конунг?

– Здоров, получше, чем иные молодые. А как твоя почтенная бабка?

– Отведи лошадей, я пока предупрежу ее о тебе. Скажу, – девушка остановилась и окинула Хольти взглядом с головы до ног, – что ты так же непозволительно дерзок, и конунгу давно пора тебя приструнить!

Он лишь отвесил еще один поклон ей вслед.

Устроив лошадей, с мешком у ног Хольти стоял на том же месте, у двери, пока девушка не выглянула снова и кивком не предложила следовать за ней. В теплом покое, куда они вошли, уже было прибрано для прихода Тора²¹, пол устлан свежими еловыми лапами, отчего смолистый хвойный дух одолевал даже запах очажного дыма. Горел огонь в очаге, и при его свете Хольти предстало удивительное зрелище: не знай он заранее, чего следует ждать, мог бы утра-
тить присутствие духа.

²⁰ Эти дары предлагал Скирнир, посланец Фрейра, когда явился сватать Герд.

²¹ Считалось, что в ночь четверга дом может посетить Тор, поэтому производили тщательную уборку.

В теплом покое были одни женщины. На первый взгляд показалось, что их очень много, десятка два, но, чуть приглядевшись, Хольти понял, что их пять или шесть вблизи огня и еще две-три – в углах, а всего они составляли священное число девять. Все они сидели по сторонам очага, а на самом видном месте прямо на помост было поставлено особое сидение – небольшой стул с полукруглой резной спинкой, на трех ножках, так что сидевшая на стуле возвышалась над всей палатой и казалась вознесенной над миром, находящейся на полпути между землей и небом.

Не приближаясь, Хольти низко поклонился женщине на «сидении вёльвы». По виду это была старуха – сгорбленная и грузная. Голову ее покрывал необычный убор в виде небольшого сокола: голова его с обращенным вниз клювом нависала над лицом женщины, а крылья обнимали ее голову с боков. Само лицо было заслонено кожаной бахромой, спускавшейся до середины груди. Плечи старухи укрывал широкий синий плащ, а в морщинистых руках она держала посох, уперев его нижний конец в помост у себя между ног, будто намеревалась скакать на нем верхом.

– Подойди, – сказала женщина, сидевшая на помосте, как бы у ног старухи.

Это была одна из дочерей хозяйки – Бергдис, и той девушке, что встретила гостя, она приходилась матерью. Остальные – сестры, тетки и племянницы – тоже происходили от единого материнского древа. Все они жили в этой усадьбе и составляли свиту «малой вёльвы», необходимую ей для ворожбы.

– Привет и здоровья тебе, госпожа Унн! – Хольти еще раз поклонился. – Позволь мне приветствовать тебя от имени моего господина, Бьёрна конунга! Он посылает тебе свой почтительный привет, пожелание долгих лет жизни, милости к тебе асов, ванов, дис, норн, альвов светлых и альвов темных, чтобы никогда не ослаб твой слух к шуму ветров в кроне Ясеня, не ослабело зрение и способность различать малейшую игру струй в Источнике Судьбы.

Настоящая госпожа Унн, та, что семьдесят пять лет назад принимала при рождении нынешнего Бьёрна конунга и стала его вирд-коной, умерла давным-давно – сорок лет назад. Конунгову нить она передала своей внучке Трудхильд, и она-то восседала на помосте сейчас. Однако, творя волшбу, Трудхильд надевала соколиный убор своей бабки и принимала ее имя. Хольти оскорбил бы вёльву, если бы назвал ее Трудхильд вместо Унн, но для этого он был человеком слишком сведущим.

– С чем прислал тебя мой сын, Бьёрн конунг? – глуховато из-под бахромы спросила вёльва.

– Конунг хотел бы знать о делах своего... одного человека, который называет себя его внуком – известном тебе Эйрике, сыне Алов. Конунг обеспокоен, не имеет ли тот враждебных замыслов. И еще он просит тебя сделать так, чтобы Эйрик после начала лета прибыл сюда, к Уппсале.

Между сидящими женщинами пробежал шепоток.

– Конунг будет готов к встрече с этим человеком, – добавил Хольти. – А ты сделаешь так, чтобы нить его оборвалась, а нить конунга продолжилась. Конунг богато вознаградит тебя. Я привез хорошие подарки, позволишь показать?

– Покажи.

Раскрыв свой мешок, Хольти выложил на стол серебряную чашу, несколько нитей бус из сердолика, позолоченные узорные застёжки, отрез шелка с птичками, большое глиняное блюдо, расписанное желтыми птицами по зеленому полю, четыре женских поясных ножа с рукоятями резной кости, обмотанными серебряной проволокой. Женщины тянули шеи, чтобы увидеть подарки, переглядывались, кивали. По лицам Хольти видел, что угодил им.

– Бьёрн конунг будет ценить и уважать тебя, госпожа Унн, покуда жив, – заверил Хольти. – А уж ты знаешь, как сделать, чтобы это продолжалось еще много-много лет.

– Свое дело я знаю, – медленно промолвила Унн. – А сын мой хорошо знает, чего он хочет? Мудрым ведомо: не стоит дразнить медведя, покуда он сам тебя не трогает.

– Мудрым ведомо, что медведь коварен и нападет, когда не ждешь. Зарежет лучшую корову, а то и кого из домочадцев. Умнее будет подготовиться, выманить его из берлоги в избранный час и поднять на рогатины.

– Ну что же, не буду спорить. Судьба лишь дает человеку случай. Как им распорядиться, решает он сам. Начнем, дочери мои. Пойте «песню призыва».

Женщины поднялись с мест. Старшая дочь хозяйки, Бергдис, отперла большой ларь и раздала прочим бубны и колотушки, сделанные из ножки косули с копытцем. Женщины встали в ряд перед помостом. Бергдис набрала в грудь воздуха и испустила долгий заунывный вопль. У всякого, кто его слышал, мороз проходил по коже: будто тонкий, острый ключ, он проникал в невидимые замки мироздания и отворял незримые ворота.

Тут же другие женщины подхватили и стали разом издавать похожие вопли, каждая – свой особый. Ритмично то понижая, то повышая голоса, выпускали то более долгие, то более короткие крики, они сплетали из них удивительную песню без слов. Одновременно они отбивали ритм в бубны и переступали с ноги на ногу, танцуя на месте.

Старуха на помосте молчала, но выстукивала тот же ритм концом посоха. У Хольти, слушавшего это, кружилась голова: каждый раз как он слышал «песнь призыва» и видел эти фигуры, которые по виду топтались на месте, а на деле карабкались по незримым воздушным тропам, ему хотелось уйти за дверь, чтобы не ощущать, как духи слетаются со всех сторон и задевают его голову своими холодными крыльями. Его сердце начинало биться в том же ритме, он терял себя, чувствуя, что его душа – пушинка, игрушка этих голосов, что ощупывали его душу, словно озябшие пальцы. Все женщины, от самой молодой до самой старой, были обучены этому ремеслу с детства. От этого казалось, что находишься не в обычной усадьбе, а где-то там, у корней Ясеня, где окружают тебя дисы – бессмертные духи, несущие в себе вечную способность дарить жизнь, как река несет воду, но жестокие и безжалостные к мужчинам.

Старуха подняла руку с посохом, и вопли стихли.

– Они здесь, мои духи, мои добрые друзья... – заговорила старуха из-под бахромы. – Я вижу их... много, много. Они готовы отвечать. Спрашивайте их.

– Я спрашиваю их и принуждаю властью Фрейи, соколиной невесты, – заговорила Бергдис, – отвечайте, находится ли Эйрик сын Алов по-прежнему на Зеландии?

– Да, он находится там, – еще более глухим и низким голосом ответила старуха, и этот голос был будто медвежья лапа – мягкая, но смертоносная, что коснулась живота Хольти прямо изнутри. – Он проводил зиму в усадьбе Сэхильд, вдовы Регинмода ярла, и сейчас еще он с нею, она не хочет его отпускать.

– Желает ли он сам покинуть те края?

– Да, желает, ибо наскучило ему сидеть на одном месте.

– Желает ли он направить свои корабли сюда, в Свеаланд?

– Этого решения у него еще нет, хотя желание есть.

– Властью Фрейи, соколиной невесты, я приказываю и принуждаю: идите к Эйрику сыну Алов и вложите в его душу неодолимое желание к Середине Лета прибыть в Свеаланд, к Уппсале. Пусть он не знает покоя, пока не направит сюда свои корабли, пусть это желание делает для него пресным и питье, и пищу, и женские объятия, пусть терзает его днем и ночью, в доме и под открытым небом, при солнце и при месяце, наяву и во сне. А я дам вам сил для этого, вырезав руны.

– Мы исполним твой приказ...

Бергдис сделала знак, и девушка с веснушками, Ингвёр, осторожно вынула посох из рук старухи. Стук прекратился, настала тишина.

– Духи ушли, – через несколько мгновений давящего безмолвия уже другим голосом произнесла старуха. – Я вырежу руны на кости сегодня в полночь подниму ее на шест. Не пройдет и трех дней, как Эйрик сын Алов почувствует неодолимое желание прибыть в Уппсалу к указанному сроку. Дело сделано, его не отменить. Передай сыну моему Бьёрну, чтобы он был готов. Духи не одержат победу вместо него.

– Но ты ведь поможешь конунгу, когда настанет час? – спросил Хольти; голос его поневоле дрожал. – Ты споешь заклинания, которые нашьют непогоду на его корабли, опутают его войско чарами бессилия, затупят его оружие?

– Я сделаю то, что мне по силам, – кивнула старуха, и голова сокола шевельнулась над ее лицом. – Но не забывай: у Эйрика сына Алов есть своя вирд-кона, и она одна сильнее, чем иные три.

– Но ведь не сильнее тебя! – воскликнул Хольти, будто вовсе не верил в такую возможность.

– Может, и не сильнее. Но пока она жива, моя победа не будет легкой.

* * *

Дорога от Уппсалы до Дубравной Горки занимала полный день, и сегодня Хольти уже не мог уехать обратно. Он остался ночевать, и уже скоро – когда старуха сошла с помоста и оттуда убрали сидение вёльвы, – в теплом покое подали ужин. Хольти посадили на самое лучшее место дальнего края, где располагались здешние работники и рабы. Как человек несвободный, он не мог делить пищу с хозяевами дома, но, как посланец и доверенное лицо самого конунга, мог рассчитывать на весь почет, возможный при его положении.

На стол поставили похлебку из рыбы и ржаные лепешки: благодаря щедрости конунга хлеб в этом доме не кончался ни в какую пору года. Из питья подали сыворотку. Появились четверо мужчин – здесь был муж Бергдис и двух ее сестер, а еще сын старухи Трудхильд. Тому, кто в каждый приезд сюда видел торжество женской ворожбы, мужчины казались здесь лишь гостями. Когда все поели и расселись у огня, Хольти увидел, что Ингвёр, сидевшая с краю, делает ему знак подойти.

Несмотря на усталость после целого дня в седле, Хольти повиновался не без удовольствия. Ингвёр весьма напоминала деву из зачарованного леса, и поговорить с нею было приятно. Когда она сняла накидку, стало видно, что красный тканый поясок охватывает тонкую талию, подчеркивая пышность груди и длину ног. Из украшений на ней сейчас было лишь ожерелье из мелких синих бусин, но и так она выглядела молодой королевой. При взгляде на Хольти ее красивое лицо приобретало надменное выражение, но проницательный гость видел, что за этим прячется любопытство. Он не дерзал вообразить, будто может понравиться такой мудрой деве – в ее глазах он немногим лучше пса, – но это не мешало ему самому любоваться ею. Ингвёр с ее миловидным лицом, вздернутым носом, прекрасными синими глазами и густыми светлыми волосами и в Уппсале не осталась бы незамеченной. Он был знаком с нею уже несколько лет и порой поддразнивал ее рассказами о тех высокородных и прославленных людях, бывающих при конунговом дворе, которые могли бы к ней посвататься, если бы только знали о ее существовании.

– Расскажи мне, какие новости в Уппсале? – с видом усталой королевы предложила Ингвёр.

На такой вопрос не ответишь в двух словах, и Хольти сел прямо на зеленые еловые лапы, устилавшие пол, – сидеть на помосте рядом с Ингвёр он не дерзал.

– Не тебе об этом спрашивать – ты уже знаешь самые важные новости грядущего лета, пока их не знает еще ни один человек на свете, кроме живущих в этом доме, – Хольти почти-тельным движением руки обвел женщин на помостах, занятых у огня вязанием или шитьем.

Пряжа была уже спрядена за зиму, а ткать было слишком темно. – Важных новостей пока нет: ты сама понимаешь, зимой мало кто приезжает, и то не из дальних краев. Пока могу тебе рассказать, кто в Уппсале за зиму справил свадьбу, умер или родился. Вот к лету могут появиться новости более любопытные. Возможно, Эйрик сын Алов явится сюда со своими викингами и будет разбит войском конунга и его сына Олава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.